Я вам не ведьма!

Автор:
Ксения Алексеенко

Я вам не ведьма!

Ксения Алексеенко

Другие миры (АСТ)

Я – обычная купеческая дочка, разве что чуть побогаче прочих, и бабка по папенькиной линии у меня ведьма.

Думала, моя жизнь расписана на годы вперед: замужество, рождение детей и далее по списку.

И я хотела такой жизни.

Но когда нашла жениха, тетенька взбеленилась и устроила так, чтобы я поехала в Академию Ведовства и Чародейства. А это ее мечта, а не моя!

Ну ладно, отучилась бы четыре года спокойно и вернулась домой к папеньке. Но меня потянуло на добрые дела, так что теперь у меня в фамильярах очень противный и жутко неблагодарный горбун (я его, между прочим, от вечного рабства спасла!), а с ним в комплекте – уйма проблем.

Хотела спокойной жизни? Ага, разбежалась! Сплошные приключения!

Ксения Алексеенко

Я вам не ведьма!

© Ксения Алексеенко, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Глава 1

Я счастлива, счастлива, сказочно счастлива! Просто не верится, но достаточно ущипнуть себя за руку, чтобы знать – это правда! Но я не буду: не хочу, чтобы остался синяк.

Нэй Элий сегодня сделает мне предложение!

Вчера он вел меня в танце – рука в руке, сердце к сердцу, и шепнул на ушко, так и шепнул!

«Завтра я попрошу вашей руки, тайе Елания!»

Всю ночь вчера проворочалась, под утро заснула.

С утра встала, внимательно осмотрела себя в зеркало.

Свежее кругленькое личико, к счастью, под глазами не появились тени. Но вот пару родинок пришлось замазывать – как, впрочем, и всегда. Одну на подбородке, прямо в аккуратной ямочке, а вторую – над правой бровью.

У меня очень белая, очень нежная кожа, но при этом – куча родинок, везде-везде… Нэй Элий говорил, что они придают мне пикантности, но заглядывал-то он не в глаза, а в декольте! А на лице они совершенно лишние, и слава богу, что

изобрели пудру…

И вот оделась в домашнее и все хожу по дому, не могу найти себе места. Взяла в руки вышивание – теперь вышивку только распарывать. Сердце трепещет, душа поет – ну как тут усидеть за вышивкой? Отложила пяльцы, села за музицирование – с первого этажа пришел папенька, попросил до вечера клавиш не касаться. У него важная сделка, нужно что-то посчитать, а когда я играю, папенька считать не может – заслушивается.

Думала, найду тетеньку, поиграем в шахматы. Обычно я избегаю тетеньку, но не сегодня. Сегодня такой день, что ничего плохого просто не может случиться. Солнышко светит из-за тучек, птички с самого утра славят Господа и мир, распевая гимны весне и любви, и даже тетенькины нотации меня не пугают! Я бы их с удовольствием послушала. Последний раз в жизни! Как музыку свободы и счастья!

Но ей привезли ткани для бальных платьев, сидит, выбирает вместе с модисткой. Я бы с удовольствием присоединилась, но, боюсь, испорчу сюрприз. Засмотрюсь на алую ткань, и тетенька тут же догадается. Она очень догадливая.

Будто в душах читает.

Нет, хочу, чтобы вышел сюрприз!

Хочу, чтобы нэй Элий зашел, улыбнулся мне… Я все прочту по его глазам, и не нужно будет слов; он мне ничего и не скажет, потому что руки просят у папеньки. Прошел решительно в папенькин кабинет, пал на колени…

«Без тайе Елании мне не жить! Благословите!»

Папенька улыбнется, может, смахнет украдкой слезинку… Он ведь всегда говорил, что хочет видеть меня счастливой. А разве есть девушка счастливее, чем девушка, которую любимый жених ведет к алтарю?

Папенька, конечно, для порядка посмотрит на меня строго и выгонит из кабинета, потому что негоже девушке слушать всякие скучные вещи. Условия

брачного договора, приданое… разве это важно? Нэй Элий меня любит и хочет взять в жены. И все равно, что юн и беден: еще будет война, на которой он храбростью заслужит себе высокий чин! Может, его сам король наградит: ней Элий такой смелый, такой мужественный – самый-самый!

Я решила! Пойду печь блинчики!

Кухонька у нас не очень большая: аккурат место для приходящей кухарки, нэйе Улины, и для меня уголок. Я люблю готовить даже больше, чем читать.

Это потому, что тетенька в детстве запрещала. Мол, это не занятие для особы моего положения, но я плакала, и папенька ее уговорил. Но она все равно настояла, чтобы я никому про это не рассказывала. Секрет! Готовка для меня – приключение. Мои блинчики – победа над тетенькой!

Нэйе Улина рассказала мне рецепт, но у меня теперь получается даже лучше, чем у нее, вот!

И нэй… нет-нет! Он же мой будущий муж! Просто Элий говорил, что хотел бы испробовать кушаний, приготовленных заботливой женой, – вот так! Я права, а тетенька нет!

Тетенька Аката – старая дева, а я скоро буду женой!

Я спрятала волосы под косынку. Вечно они везде лезут, совершенно невозможно собрать эти дурацкие рыжие кудряшки во что-то приличное. Так и норовят рассыпаться по плечам: ни одна модная прическа не держится, заколки ломаются… Дома я заплетаю их в косу, и то пряди выпадают.

Никому не нравятся волосы в блинах, поэтому я всегда одалживаю у кухарки косынку и покрываю ей голову. Вот и сейчас… Главное в таком виде тетеньке не попасться, а то начнется!

«Вы – дочь купца первой гильдии, Елания, вы должны вести себя соответствующе, а не повязывать на голову косынку, подобно нищей крестьянке!»

Бе-бе-бе! А если так удобнее? Хорошо, что тетенька в жизни не заходила в кухню. Хоть где-то можно передохнуть от ее вечных скрипучих нравоучений.

Только я разбила первое яйцо и взялась за второе, как позвонили в дверь. От неожиданности я раздавила его в пальцах, в миску попала скорлупа… мелочи! Это он, я чувствую – что мне до какой-то скорлупы?

Я вытерла руки прямо о домашнее платье, сдернула косынку – следует поторопиться.

На пороге и вправду стоял Элий. Только вот встречать его вышла тетенька.

Плохо…

Тетенька на Элия так посмотрела, так посмотрела! Как на клопа. Ее, кажется, не впечатлил ни его кадетский мундир, ни широкие плечи, ни мужественное лицо с волевым подбородком.

На что я надеялась? Надо было занять ее игрой в шахматы!

– Что вам надобно? – процедила тетенька. – Вы к какой-то из горничных? Черный ход с другой стороны.

– Я бы хотел поговорить с нэйем Дезовски, – ответил мой герой, ничуть не колеблясь.

– Зачем?

У тетеньки голос высокий и резкий. Когда она говорит, хочется наизнанку вывернуться – лишь бы поскорее замолчала. А еще у нее глаза холодные, как у злой мертвой рыбины.

Потому и осталась старой девой. Не помогло даже богатое приданое. Женихи от нее разбегались во все стороны! Россыпью!

Но я из-за нее старой девой не останусь! Я сжала кулаки, надула щеки: если папенька увидит, сразу поймет, что я настроена серьезно.

Зареву!

– Я люблю вашу племянницу, нэйе Дезовски!

Как он сверкает голубыми глазами! Как хмурится! Но… А-а-а, демоны ледяного ада! Я-то понимаю, что он хотел тетеньке польстить, но она же сейчас только пуще разозлится!

– Тайе Дезовски, молодой человек.

– П-простите… Тайе Дезовски, я не знал…

Что правда, то правда: у Элия множество достоинств, но предусмотрительность не в их числе.

Тетенька захлопнула дверь перед его носом. А потом обернулась ко мне, не обращая внимания на его удивленный возглас.

– Что это было, Елания?

В дверь постучали. Затем замолотили ногами.

Элий немножко вспыльчивый. Но это ничего, он, когда злой, такой красивый! На лбу пролегают мужественные складки, брови сдвинуты, ноздри трепещут, как у породистого коня в пылу скачки, а как он кусает губы! А как сжимает свои огромные кулаки!

– Мой жених, тетенька.

– Не думаю, Елания. Не думаю.

Это как смертный приговор, это как надгробная плита, это как эпитафия моему замужеству!

– Разве так можно?! – воскликнула я, заламывая руки, и еще раз, громче, чтобы папенька тоже услышал. – Разве так можно?!

Тетенька скрестила руки на груди.

– Так и нужно отвечать юнцам без роду и племени, позарившимся на дочь семьи Дезовски, Елания. И ваш папенька меня поддержит. Можете не сомневаться.

В дверь ударили плечом. Еще раз. Тетенька поджала губы, распахнула дверь и смерила Элия долгим взглядом. Я знала этот взгляд – от него кровь стынет в жилах и ноги подгибаются! А все потому, что бабушка, теплого ей местечка, была самой настоящей ведьмой, и тетеньке что-то досталось такое, злобное и гадкое.

Элий вовсе не струсил, нет! Он предпринял тактическое отступление, их этому в училище учат. Если силы противника превосходящие… Ну ничего, он и не должен воевать с тетенькой, он же мужчина, он выше бабьих склок!

Я должна была подготовить почву. Замечталась… Ошибок не повторю.

Я стратегически разревелась и бросилась в папенькин кабинет.

Тетенька пошла за мной, и я слышала, как она решительно печатает шаг.

Предстояла битва.

Тетенька, увы, получила преимущество: добралась до кабинета раньше меня. Распахнула дверь, прошествовала в кабинет и хотела было захлопнуть ее перед моим носом, – это ее коронный прием, но я успела сунуть руку в щель. Тетеньке пришлось отпустить дверь, чтобы не прищемить мне пальцы.

Она берегла мои пальцы, всегда берегла. Это был мой коронный прием.

Но никто не мешал тетеньке говорить. И она заговорила:

– Аферий, ты только подумай! За дверью стоял юнец в форме кадетского училища! Аферий, с Еланией надо что-то делать! Она совершенно сдурела от безделья!

Папенька поднял голову от бумаг, промокнул лоб платочком. Снял и отложил в сторону очки.

– Что случилось, Аката?

– Нэй Элий, – всхлипнула я, прижимая руки к груди, – он… Он…

На глаза наворачивались слезы. Я представляла, какое унижение гордому Элию пришлось пережить из-за тетушки, и ком вставал в горле, мешая говорить.

Тетеньке же ничего не мешало.

– Юнец пришел просить руки Елании, Аферий. Насколько я понимаю, своим легкомысленным поведением она дала ему ложные надежды.

– Я только хотела… Я хотела… я люблю его, папенька!

– Еленька, пожалуйста, не плачь… – мягко сказал папенька. – Только не плачь. Кто такой этот нэй Элий? Есть ли у него связи? Кто его родители? В каком училище он учится?

Я не могла ничего ответить. То есть, конечно, могла. Я знала, что отец нэя Элия – скромный ремесленник, что связей у него нет, что его учебное заведение принимает именно таких юношей – не слишком богатых и родовитых, зато преисполненных рвения и готовности всеми силами служить отечеству там, куда их после училища пошлют. Но это были не те ответы, которые папенька был бы готов принять.

Я знала этот серьезный взгляд. Папенька подсчитывал прибыли и убытки.

За массивным столом красного дерева сидел смешной кудрявый толстячок, его ноги даже не доставали до пола. Внешность обманчива: никто не воспринимал папеньку всерьез, пока не начинал вести с ним дела. У папеньки хватка, как у бульдога-чемпиона.

Однако я не рассчитывала, что папенька начнет рассматривать Элия как сделку. Я думала… Я надеялась…

– Он любит меня, папенька! – предприняла я отчаянную попытку воззвать к его чувствам, пока счеты в папенькиной голове не сгубили все дело. – А я люблю его.

– Это вам не игрушки, Елания! – отрезала тетенька. – Это ваша жизнь. Ваш Элий – всего лишь паразит, присосавшийся к богатой невесте; ваша любовь – всего лишь девичья влюбленность в смазливую мордашку. Я не спорю: возможно, он популярен на балах и красиво размахивает мечом. Однако хороший танцор – не значит хороший муж. Поддержи же меня, Аферий!

– Аката права. Если у него нет будущего, то нет и права рассчитывать на твою руку.

– Папенька, но я…

– Кажется, моя дорогая племянница хочет сказать, что эти стены ее душат, – перебила тетенька. – Обычные слова в ее возрасте. Так я говорила своей матери, а моя мать говорила своей. Аферий, ты помнишь наш разговор две недели назад? Я получила на письмо положительный ответ.

Какое письмо? Какой разговор?

Почему они обсуждают это так, как будто меня тут нет? Почему папенька не встал на мою сторону? Он же всегда, всегда, всегда был на моей стороне! Он всегда защищал меня от тетеньки! Он не позволял мне плакать!

У меня задрожали коленки. Я присела на софу: как много часов я просидела на этой софе с вышиванием! Скрипело перо, шуршала бумага, и не было звуков прекраснее.

Теперь я выросла, и шелест бумаги, которую тетенька вытащила из-за корсажа и отдала папеньке, пугает меня, а не успокаивает.

Какая-то темная волна разливается по моему телу: сначала покалывает кончики пальцев, потом запястья, выше, выше – к шее. А потом болью взрывается в голове.

На софу упали кровавые капли. Я поднесла руку к носу, пачкая белые кружева на рукаве.

Где-то в глубине дома кто-то коротко вскрикнул.

– О! – сказала тетенька. – Несколько раньше, чем я предполагала. Думаю, нам следует проследовать на кухню и узнать, что сталось с кухаркой. Вы же что-то пекли, дорогая? У вас мука на щеке. Надеюсь, это был не яблочный пирог.

– Блинчики… – прошептала я.

Кровь все текла и текла, не думая останавливаться.

– Ваша бабушка, дорогая… – тетенька подала мне руку, – была замечательным зельеваром. Единственная причина, по которой я позволяла вам заниматься таким неблагодарным делом, как готовка – это то, что сие несколько схоже с благородным искусством зельеварения. Вам скоро исполнится восемнадцать: самое время силе пробудиться.

Самое ужасное, что папенька не вмешивался в разговор.

Он все знал, но не говорил мне! Они с тетенькой ждали, пока случится что-то… что?

И сейчас он всего лишь подошел ко мне и помог подняться, не попытавшись даже объяснить, что именно происходит. Будто тетенькиных слов мне должно было быть достаточно!

Я оперлась на его плечо, и мы пошли на кухню. Папенька придерживал меня за талию и не мог не чувствовать того трепета, который охватил меня из-за всего произошедшего, но даже и не подумал остановиться и успокоить. Я плакала, а папенька… папенька молчал. Это молчание пугало меня еще больше. Как будто я сделала что-то непоправимое, и Элий рядом с этим – всего лишь девичья шалость.

Что?

Что случилось? Какая еще сила? Неужели я сделала что-то плохое, и кровь на моих руках не только из носа, но и чужая? Крик… Крик – это же плохо, да?

Никто не предупреждал меня.

Почему же, почему?

Кухарка лежала на полу. Грудь ее поднималась и опускалась – слава богу! Дышит!

В руке у нее был надкушенный блин, а на тарелке возвышалась горка таких же. Золотистые, ажурные, лоснящиеся маслом… я почувствовала, как к горлу подступает тошнота. Наверное, она решила доделать мою заготовку…

Я любила нэйе Улину. Она учила меня готовить. Она хвалила меня за мои успехи, не то что тетенька, от которой невозможно дождаться доброго слова, даже если переведешь трактат с италийского на шенский. Кухарка была как нянечка, как добрая подруга…

– У нэйе трое детей и муж хромой, – сказала я, хотя все и так это знали, просто чтобы больше не молчать. – Папенька, пожалуйста, если я…

– Не стоит, – фыркнула тетенька.

Она взяла деревянную ложку и разжала нэйе Улине челюсти. Папенька закрыл мне глаза рукой. Я рванулась: я хотела видеть. Но у папеньки очень сильные пальцы.

Я услышала кашель. Когда я смогла увидеть кухарку – живую и здоровую, тетенька выбрасывала что-то в ведро с очистками.

– Нэйе Улина, все в порядке? – спросил папенька без особого, впрочем, беспокойства.

– Да, – нэйе Улина сделала неуклюжий реверанс. – Я просто что-то сомлела… жарко тут.

– Я думаю повысить вам жалованье, нэйе. Простите мою дочь, она не желала зла.

– Конечно же, нэй Дезовски, я не держу на нее обиды.

И нэйе Улина бросила в мою сторону испуганный взгляд… Лучше бы это была обида!

– Ты будешь молчать, – сказала тетенька.

– Конечно, тайе Дезовски.

– Выйди на минутку. И не вздумай подслушивать!

Улина только рада была возможности сбежать: она быстро-быстро закивала, подхватила юбки – и только ее и видели.

Папенька задумчиво теребил ту самую бумагу, которую передала тетенька. Теперь-то я видела, что это письмо.

– А вы, Елания, едете учиться, – добавила тетенька после, казалось, целого тысячелетия тяжелой тишины.

Я посмотрела на папеньку, ища спасения. Куда учиться, как учиться? Разве есть что-то, чему меня не могут научить на дому приглашенные преподаватели? Но он только рассеянно кивнул, почесывая гладко выбритый подбородок.

– Не думай возражать! У тебя достаточно времени, чтобы соблазнять мужчин, и достаточно злобы, чтобы травить кухарок, – фыркнула тетенька. – Здесь, в безделье, ты окончательно отобьешься от рук. Я дала тебе лучшее домашнее образование, которое могла дать. И раз уж у тебя есть злоба и сила, ты отправишься в столичную Академию ведовства и чародейства, поступишь на факультет зельеварения… И только попробуй посрамить имя своей бабушки!

– Как же я не посрамлю, если я его даже и не знаю толком? Вы с папенькой так мало о ней рассказывали… – промямлила я.

Элий, милый… кажется, нам не суждено быть вместе… Когда я об этом думала, передо мной вставало свежее воспоминание: лежащая без сознания Улина. И закрадывалась в голову мыслишка, что, возможно, это к лучшему…

– Прочитаешь в учебниках, – отрезала тетенька. – Аферий?

– Да, – наконец очнулся папенька. – Ты оказалась права, Аката, я это вижу. Следующий подобный случай может обойтись гораздо дороже прибавки к жалованью. Я разрешаю.

– Что вы разрешаете, папенька?

– Ты едешь в Академию, Еленька. И это не обсуждается.

Я тряслась в карете. Напротив сидела тетенька и дремала, откинув голову на спинку сиденья. Спина, как всегда, прямая как палка, мосластые, некрасивые руки чинно сложены на коленях, губы поджаты, горло скрыто жестким кружевным воротничком глухого серого платья. Такого же, как и у меня. Мы почти не взяли вещей: тетенька сказала, в академии выдадут форменное.

Даже во сне она хмурилась. Из-за этого у нее так рано появились морщинки в уголках рта и гусиные лапки вокруг глаз. Я и не помнила, когда в последний раз разглаживались глубокие складки у нее на лбу.

Она решила поехать со мной и вернуться к преподаванию. Я и не знала, что тетенька когда-то была учительницей. Она же всегда презирала моих гувернанток!

Наверное, это из-за того, что они-то никогда не преподавали в академиях яталийский, шенский и лейнский – последний факультативно. Не оставались в мире магии, магии не имея, лишь благодаря острому уму и уникальному опыту переводов древних научных трактатов.

Были обычными полунищими девчонками, которым больше некуда было податься. Некоторые тетеньку боялись чуть ли не до икоты. А зря: тетенька поднаторела в пристраивании особо бездарных гувернанток замуж. Они должны

были быть ей благодарны.

Как должна была я.

Тетенька рассказала, что оставила преподавание, когда маменька носила меня. Мол, маменька была весьма легкомысленной особой, и я пошла в нее; и тетенька хотела помочь ей с воспитанием ребенка, чтобы она и дальше могла блистать на балах и веселиться.

Но, увы, маменьке не суждено было пережить роды, и тетеньке пришлось стать мне маменькой. У нее не слишком хорошо получалось: я всегда больше любила папеньку, пряталась от тетеньки в его кабинете, прогуливала занятия с его полного одобрения и попустительства. Помню, в детстве мы вместе с ним сбегали в кондитерскую, тогда стоявшую в центре города, ели пирожные и болтали обо всем на свете. Это было счастливое время. Как бы я хотела, чтобы оно никогда не заканчивалось!

А потом я выросла и стала посещать балы; папенька расширил дело, перешел из второй гильдии в первую и стал все чаще пропадать вне дома.

Веселье балов мимолетно. Они быстро заканчиваются, и приходится возвращаться домой. Пока горничные растирают усталые ноги, расшнуровывают корсет, скучать и думать – поскорее бы следующий… Проживать день за днем ради следующего мгновения счастья и свободы. Ради пикников, вечеринок и охот, тех, что вдали от дома, от строгого взгляда тетеньки. Подальше от толстых тетрадей с шенскими закорючками и бесконечными цифрами. Я исписывала тетрадь за три месяца, а потом тетенька давала мне новую. Гувернантки менялись раз в год, но тетенька никогда не менялась.

Потом в моей жизни появился Элий, и я перестала жить от бала до бала и начала жить от свидания до свидания. Чем-то он был похож на папеньку. Я снова сидела в той самой кондитерской, ела пирожные, смеялась его шуткам и была счастливее всех на свете, уверенная: Элий все сможет, все решит. Пусть сейчас у него трудности, но ведь и папенька начинал с перекрашенной старой кобылы! И папенька был когда-то юн и беден – разве же это грех?

Тетенька, оказывается, знала об Элии. Я наивно надеялась, что это моя тайна; что наши встречи – это мой сокровенный секрет.

Однако ничто в жизни не бывает так просто, как в любовных романах, и глупо было надеяться, что за нами не наблюдали. Но Элий нисколько тетеньку не беспокоил, потому что ничего собой не представлял. Она не видела того потенциала, что видела в нем я. Может, она права, и из-за своей влюбленности я видела то, чего не было и в помине. Но я не хочу так думать! Не хочу – и не буду.

Она была уверена, что я не сбегу с ним из дому, а даже если и сбегу – меня догонят. А я бы сбежала! Если бы знала, что все так обернется…

Жаль, что я не смею и надеяться, что Элий будет ждать меня пять лет из академии или что оставит учебу и последует за мной в Анаксимену. Я не настолько оторвана от реальности. Теперь-то, оглядываясь назад, я понимаю, насколько глупы были мои надежды!

Тетенька изначально не собиралась отдавать меня замуж так рано. Она, оказывается, отказала не одному богатому жениху, ожидая, что ближе к совершеннолетию во мне пробудится бабушкина сила.

И Элия она так холодно приняла, желая напугать меня и разозлить. И сила пробудилась.

И теперь я еду в место, где балов не будет. Только тетради. К цифрам и буквам прибавятся магические письмена, к музицированию и вышиванию – сбор трав и составление гороскопов.

Тетенька любит эту академию. В юности она что-то могла, потом что-то в ней сломалось, и она потеряла свою силу. Остались только ведьмовские глаза: серые, холодные, безразличные.

Я надеюсь, что хоть в этом похожа на тетеньку. Что, в конце концов, мы окажемся одинаково бездарны. Безусловно, я ее уважаю и очень люблю. Но если моя сила сломается, я смогу оказаться от нее подальше, дома, с папенькой. Вряд ли тетенька сможет оставить преподавание во второй раз.

Она держала себя как обычно, строго и чинно, но я-то могу отличить радостную тетеньку от грустной. Другая бы порхала от счастья, как я прошлым утром; тетенька только еще тщательнее зачесала волосы, затянула корсет потуже да

вставила стальных шпилек чуть побольше, чем обычно. Может, если прислушаться, я услышу, как она мурлычет тихую мелодию, увертюру к пьесе нэя Цугкермана.

Тетенька везет меня в эту академию ради моего же блага, я понимаю. Я не хочу, чтобы люди, отведав моей стряпни, валились замертво. Но почему-то…

Почему-то кажется, что мое благо слишком уж удачно вписалось в тетенькино.

А я бы хотела…

Я бы хотела, чтобы мое благо было только моим.

И я постараюсь, чтобы так и вышло.

Глава 2

Мы приехали. Кучер завозился с багажом. Я вышла из кареты и начала оглядываться в поисках слуг, но тетенька положила руку мне на плечо, привлекая мое внимание.

– Елания, как вы думаете, почему я так тщательно отбирала ваши вещи? – спросила она вкрадчиво.

В ее голосе мне почудилось злорадство.

Я пожала плечами, вспоминая, какой бой мне пришлось выдержать, чтобы взять с собой косметику.

– В последнее время вы предпочитаете оставлять меня в неведении относительно ваших намерений, – задрала я нос.

По-моему, это я удачно сказала. Ответ получился в меру язвительный и при этом очень-очень вежливый, не придраться. А еще я ясно дала понять, что обижена. И

голос не дрогнул – я не выдала растерянности, охватившей меня, когда я увидела огромное главное здание академии.

Оно возвышалось где-то вдали: чтобы дойти до этого замка, нужно было преодолеть парк. Я даже не была уверена, что это парк: больше всего эта масса деревьев походила на настоящий дикий лес, в котором кто-то по недоразумению проложил мощеные дорожки.

Я и знать не знала, нужно ли идти к замку или к какому-нибудь другому строению в чаще леса. По дороге тетенька рассказала, что академия – это целый комплекс зданий. Кроме тех корпусов, в которых учатся, есть несколько больших домов, где живут студенты и преподаватели. Отдельный домик для слуг, барак для рабочих, домики для важных гостей…

И среди всех этих домиков, домов и замков нужно найти тот, в котором меня ждут!

В лесу!

Даже не представляя, как все это выглядит!

Я сомневалась даже, есть ли на территории академии указатели или что-то похожее… Что дорогу к нужному дому потрудились вымостить… что вообще смогу сдвинуть свой сундук с места.

От мысли, что придется разбираться со всем в одиночку, бросало в дрожь, поэтому я об этом старательно не думала.

Не может же быть, чтобы тут совсем не было слуг. Чтобы нас не вышли встречать. Просто не может. Это странное место, и тетенька наверняка не зря всю дорогу рассказывала мне про ответственность и самостоятельность, но она не бросит меня одну в опасности. Я в это почти верила.

Во мне умер дипломат. Или актриса. Или придворная интриганка. Потому что тетенька не заметила моих душевных метаний. Или не захотела замечать.

– Потому что вы теперь сами отвечаете за свои вещи, – объяснила она с бесконечным терпением в голосе.

Я с сомнением посмотрела на свой дорожный сундук, который кучер с заметным усилием спускал с крыши кареты. Начинали сбываться мои худшие опасения.

– Вы же не хотите сказать, что тут совсем нет слуг? – спросила я самое главное, с трудом сохранив беспечный тон.

Тетенька выдержала долгую, томительную паузу. Секунд через пять я поняла, что если эта пауза продлится еще немного, а я ничего так и не сделаю, то на моем лице отразится целая гамма эмоций. В основном это будет недоумение: мир, в котором мой сундук не отнесут куда надо слуги – расторопные или не слишком – это совершенно новый и неизведанный мир. Я даже не знала, как половчее ухватить сундук или сколько он весит. Знала только, что много, и уже жалела, что уговорила тетеньку взять пару бальных платьев.

Очень не хотелось показывать тетеньке свое незнание.

И я задрала нос еще выше. А потом еще. А небо-то затянули серые тучи: вот-вот начнется дождик. А с утра было солнечно… Этот день вообще может стать еще хуже?

К счастью, тетенька сжалилась. Не знаю уж, над чем – над моей шеей или над моей гордостью.

– …Есть. Но вам придется контролировать, куда несут ваши вещи, Елания. Вам стоит помнить: это не ваши личные слуги, они принадлежат академии. Им платит не ваш отец, а академия.

Я кивнула.

Я не очень понимала, зачем тетенька объясняет такие очевидные вещи. Было бы странно, если бы местным слугам платил лично папенька. Он весьма прижимистый человек, денег зря не тратит.

И уж тем более не оплачивает слуг государственному учебному заведению. На то есть король и королевская казна.

– Это значит, что перед вами раскланиваться тут не будут, Елания. Более того, если вы поведете себя неправильно, вам будут хамить. Здесь вам не стоит афишировать ни свое происхождение, ни свое состояние: богатой купеческой дочке сложнее вписаться в коллектив ведьм из древних и, увы, частенько обедневших ведьминских родов, чем девчонке без имени и со смутным прошлым. Завистницы с ведовскими способностями… – тетенька чуть крепче сжала пальцы на моем плече, – не слишком приятное приобретение.

– Но… разве папенька не оплатил обучение?

Накануне отъезда я заглянула в его бухгалтерскую книгу. Чек он выписал солидный. Если столько платят все, то, наверное, могут себе позволить. Значит, и завидовать мне нечего…

– Это вам тоже лучше не распространяться. Лучше загадочно молчите. Получать стипендию гораздо почетнее. Жаль, что ваша сила пробудилась сейчас, а не через полгода: тогда я привезла бы вас участвовать в конкурсе. Но мы попробуем выбить стипендию в следующем году, – мечтательно протянула тетенька. – Это так захватывает. Соревнование… Когда получаешь стипендию, и чувствуешь себя иначе. Вы меня поймете, Елания.

Для меня ее слова звучали совершеннейшей белибердой. Я решительно ничего не понимала.

– Мне кажется, мы чересчур задержались. Вот-вот пойдет дождь. – Тетенька тоже заметила тучи, и нежелание вымокнуть все-таки победило в ней склонность к нравоучениям.

Она вдруг приблизила левую руку ко рту и… оглушительно свистнула. Я и не знала, что она умеет свистеть, как атаман разбойников. Если так подумать, то я вообще мало знакома с тетенькой.

– Елания, имейте в виду: вам сейчас стоит навестить общежитие для студентов, я буду жить в корпусе для преподавателей, и…

– Нам не стоит афишировать наше знакомство! – перебила я.

Задачка не из трудных. Я уже начала подозревать, что в академию меня привезла совершенно чужая женщина, подменившая изученную до последней морщинки Акату где-нибудь на полпути.

– Да, – кивнула тетенька.

Указала на свой сундук подошедшему слуге. Он вынырнул откуда-то из глубины леса на удивление быстро. Я даже не успела заметить, когда.

– Удачи!

Тетенька и слуга удалились – только скрипнула створка ворот. Они сами собой распахнулись перед тетенькой, и слуга почтительно пропустил ее вперед. Я помахала им вслед, чувствуя себя донельзя глупо.

А если передо мной они и не подумают открыться?

Свистеть я не умела, куда идти – тоже не знала. Кучер козырнул мне и взялся за поводья. Я хотела было попросить его помочь с вещами, но он сорвался с места – и только его и видели.

И я осталась одна.

Да еще и на затылок упала первая холодная капля.

Замечательно!

Да здравствует самостоятельная жизнь!

Хотела бы я начать ее не в глухом лесу и не в одиночестве…

– Эй! – шикнул кто-то.

Я огляделась: передо мной были все те же ворота и дорожка к академии, видневшаяся в зазорах между причудливо изогнутыми прутьями чугунной ограды. За мной – пустынная дорога, вдали еще можно было различить клубы пыли от кареты.

– Эй, ты! Рыжая! – позвали еще раз нетерпеливо. – Тащи сундук сюда, ну!

– К-куда?

– На территорию академии! – рявкнули из-за забора.

– А-а-а….

– Тащи, кому говорят!

Я попыталась приподнять сундук – не получилось. Из-за забора зашипели что-то не слишком лестное про идиота Яльмеера, которому ренским языком объяснили, а он свалил; под этот нехитрый аккомпанемент думалось как-то проще. Все-таки я была не одна.

Я понятия не имела, почему нэй Голос За Оградой не мог из-за нее выйти, но в его ругательствах мне почудилось сочувствие.

Я изо всех сил пнула сундук в сторону ворот. Он сдвинулся, но что-то внутри угрожающе бзинькнуло, да и острый носок моей туфли перестал быть таким уж острым.

Пришлось толкать руками.

К счастью, ворота передо мной распахнулись. Стоило впихнуть сундук и самой протиснуться внутрь, и я наконец увидела, кто их все это время открывал. Он тоже появился из ниоткуда. Раз! И перед тобой стоит человек.

Я даже хотела шагнуть назад: а вдруг снова пропадет? Но сдержалась.

Вот тетеньке достался нормальный слуга. Обычный неприметный человечек, посмотришь на него и через пять минут ничего и не вспомнишь, кроме цвета

камзола. А мне…

Он был чуть ниже меня. То есть, конечно, выпрямись он – стал бы выше на добрую голову. Но что-то гнуло его к земле. Наверное, та же сила, что и перекосила его плечи и искривила ноги.

Мне всегда было неловко смотреть на уродов. Даже подавая милостыню, я старалась не видеть лиц и рук. Если закрыть глаза, то можно не замечать чудовищной несправедливости природы.

Вот и сейчас я не смогла поднять глаз на его лицо.

– Налюбовалась? – спросил он насмешливо. – Щиц, местный раб. Это кличка, если что. На самом деле я Гренчибальд Ладзински, заколдованный принц.

Зато голос приятный. Не писклявый тенорок, как у некоторых моих самых юных ухажеров, не скрипучий, не противный… Хоть и не низкий с хрипотцой, как у Элия, – он много курил, – но все равно нормальный такой мужской голос. Как у здорового.

– Правда?! – я искренне ему сочувствовала.

Ведьмы все-таки страшные, жестокие существа. Разве можно так калечить человека! Мне не хотелось становиться одной из них. Я и раньше не горела особым желанием, но теперь была бы готова лечь на землю и замолотить по ней ногами перед всем честным народом, если бы это только помогло отсюда уехать.

Увы, это было не так просто.

Я поежилась: задул холодный ветер, а я не взяла с собой накидки.

– Конечно же нет, – фыркнул Щиц, подхватывая сундук с такой легкостью, что не тащи я его досюда, решила бы, что он пуст. – Моя матушка – умная, чуткая, тонко чувствующая женщина с хорошим вкусом. Стала бы она называть своего красавца-сына Гренчибальдом, а?

Да и Ладзински – никак не аристократическая фамилия; и как я сразу не догадалась, что это розыгрыш?

– Ясно, – вздохнула я.

Этот парень явно не хотел, чтобы его жалели. Отсюда и шуточки, и жизнерадостно-дружелюбный тон.

Некоторое время мы шли в неизвестном направлении по непонятной дороге в утомительном молчании. Мне надоело рассматривать вековые ели по сторонам и выискивать глазами белок, поэтому я спросила у своего попутчика:

– А откуда кличка? Это как у разбойников бывают, да?

Я бы в жизни не завела разговора со слугой. Но Щиц совершенно на слугу не походил. Не из-за уродства, а просто… слишком вольно он себя держал. Как равный.

– Это как у собаки, – охотно отозвался Щиц. – Подзывать удобно.

Мне еще никогда не было так неловко. Я, кажется, покраснела до кончиков ушей.

– Ясно…

– Да ты не старайся так, – фыркнул Щиц, – сейчас дойдем до общаги, я вещи занесу, и распрощаемся, больше моей кривой рожи и не увидишь.

– Я вовсе…

Мне стало отчаянно стыдно.

Я заметила, что он слегка припадает на правую ногу. С каждым шагом все сильнее. Вряд ли он примет предложение передохнуть, но…

Продолжать отводить глаза будет как-то неправильно, вот что я подумала. Все-таки ни один нищий и прокаженный не заводил со мной приятельского разговора и не нес мой сундук. Ни один нищий не спасал от одиночества на заре моей самостоятельной жизни.

Я глубоко вздохнула, как перед прыжком в холодную воду, и наконец посмотрела на его лицо. Едва сдержала вздох облегчения: нормальное было лицо. Ни заячьей губы, ни косоглазия. Оно не было перекошено или обезображено ожогом или родимым пятном.

Щиц казался чуть постарше меня. У него были умные серые глаза, самую чуточку чуть длинноватый нос и тонкие губы, искривленные в усмешке. Не писаный красавец, конечно, но и не урод тоже.

Ну, если забыть про изуродованное тело.

– Ну-ну, – ухмыльнулся он. – Платье вроде далеко-о-о не крестьянское, а краснеешь ну точь-в-точь селяночка в город в первый раз приехала. Бросай это дело: тут целый курятник отъявленных стерв, заклюют.

Общался он вольно. Слишком вольно для слуги, но слишком просто для человека благородного происхождения.

– А можно спросить?

– Ну?

– А что будет после… «общаги»?

– Заселишься. Может, с соседкой… но, знаешь, я неплохо гадаю по крою платья и отделке сундука, и сейчас мой третий глаз подсказывает… Ну, пожалуй, поставлю единственный выходной на то, что тебя поселят одну в очень недурной комнате. А жаль.

– Почему?

– Подружка бы тебе очень пригодилась, – пояснил Щиц. – Никто не любит одиночек из недурных комнат. Ты хоть что-нибудь умеешь, а?

– Отравила кухарку… – призналась я после долгой паузы.

– и?..

– Ну и поехала сюда.

– О! – глубокомысленно изрек Щиц. – Ну, может, свезет еще.

– А ты и вправду раб?

– Да, пожизненный. Кто-то таскал латук с личного огородика директрисы, иногда прихватывал цветную капусту и салат. А поймали меня… – он рассеянно потер запястье и едва успел снова подхватить сундук.

– А разве за это могут…

– У ведьм много древних прав. И они с удовольствием их поминают человеку, опозорившему их перед королевской комиссией. Это очень опасное место, э-э-э…

– Елания.

– Елания. Тут и душу можно потерять. Особенно, если краснеть на каждом шагу и слушать все, что болтает тебе первый встречный, – Щиц вдруг снова заговорил излишне жизнерадостным тоном. – А-а-а вот твоя общага. Ты иди вон в ту будочку, получай ключи, а я занесу твой сундук.

– Я еще тебя увижу?

Прозвучало двусмысленно, но я почему-то подумала, что Щиц поймет правильно, действительно не стал шутить своих шуточек.

– Ну, конечно, без проблем. Зови, если что. И… Придумай себе другое имя. Не разбрасывайся настоящим, хорошо?

Я кивнула.

Недолго смотрела в его искривленную спину, думая о том, почему хорошим людям всегда так не везет. Тетенька часто говорила, что люди в реальности злые, пекутся лишь о своем благе и будут хотеть от меня денег и протекции. Подлизываться и льстить.

Я немного жалела, что не дала Щицу чаевые, но не была уверена, что он бы их принял. К тому же все деньги были в потайном отделении сундука, и их было не так много: все, что осталось от моих собственных накоплений после четырех месяцев встреч с Элием. Тетенька мне денег не дала, сказала, не нужны они мне, папенька – тоже.

Совет Щица был дан просто так, от души, не за деньги и не за ответную услугу. Щиц не подлиза и не льстец, и он в реальном мире. Если верить тетеньке, то мне попалось редкое сокровище. И поэтому его совет показался мне особенно ценным.

Но новое имя могло и подождать. А вот дождь уже потихоньку накрапывал, предупреждая о предстоящем ливне. Так что я отбросила лишние размышления и со всех ног понеслась к указанной будочке за ключами.

На следующий день я сидела в очереди за фамильярами. Оказывается, каждая ведьма была обязана завести себе какое-нибудь животное или птичку. Тетенька меня об этом, конечно, не предупредила. Ну, она вообще ни о чем не предупредила: исчезновение моего платья и появление на его месте форменного недоразумения серого сукна тоже стало для меня сюрпризом.

Весьма неприятным, надо сказать. Даже не потому, что воротничок был на диво колючий, в талии и груди платье оказалось тесновато, да и подол мог быть и подлиннее. Нет, все это вполне терпимо. Просто была у меня в потайном кармашке любимого дорожного платья пара камешков, которые я вообще-то рассматривала как финансовое вложение на самый крайний случай.

Не удосужилась тетенька рассказать и о том, что завтрак тут подается в отдельном здании и в жуткую рань. Так что в очереди я стояла голодная и, судя по всему, давным-давно опоздала еще и на обед.

Коридор был бесконечный, и очередь тоже; девчонки переговаривались, шумели их животные, и весь этот ровный гул вызывал тупую головную боль. Мне приходилось прижимать к носу надушенный платок: запахи были те еще, но я больше боялась, что начну чихать.

Глаза уже слезились…

Но больше всего этого вместе взятого меня раздражала птица девчонки, стоящей за мной.

Сама-то девчонка была неказистая, с невыразительным личиком гувернантки, и я не обратила бы на нее особого внимания, если бы не огромная ворона, восседавшая на ее плече.

Ворона воняла, каркала и суетилась, пару раз даже зацепила сальными перьями мою щеку. Я все боялась, что она отберет у меня мое последнее спасение – платок. Кто этих птиц разберет? А вдруг она бешеная? Здоровой она не выглядела.

Противней твари я еще не встречала. По крайней мере, так близко.

Все это я бы стерпела, но вопрос, зачем в очереди за фамильярами стоять со своими животными, мучил меня нестерпимо. Разве их не выдают? Может, мне тоже стоило поймать в лесу какую-нибудь белку или хотя бы муравья – с муравьем-то я бы справилась – прежде чем приходить.

Поэтому я решила уточнить это у девчонки. Конечно, как можно дружелюбнее: она же не виновата, что ее ворона такая противная. Любовь зла, может вынудить ласково гладить по перьям даже такую вот мерзкую падальщицу с облезлым хвостом.

– Простите, а сюда нужно приходить со своим животным?

Девочка с неудовольствием оторвалась от своей птицы и зыркнула на меня так, как будто это я уже час с лишним каркаю ей в ухо.

– Нет.

– А это ваш питомец? Вы ее… из дома привезли?

Я старалась говорить как можно восторженнее. Была у нас дальняя родственница с прегаденькой собачонкой. Собачонка тряслась, как желе, с трудом ковыляла на кривых лапках и все время писалась, что не мешало ее хозяйке с удовольствием расцеловывать это чудовище прямо в ее жуткую приплюснутую морду. Из общения с этой парочкой я вывела для себя простое правило: чем отвратительнее питомец, тем громче им надлежит восторгаться.

– Из какой деревни ты приехала? Нельзя из дома, – фыркнула девчонка. – Только если на территории ловить.

– Что, обязательно?

– Что обязательно?

– Ловить.

– Нет, видишь? – она ткнула пальцем в сторону заветной двери, которая виднелась далеко вдали и вроде бы даже немножко колебалась, как мираж в пустыне. – Оттуда выходят с животными. Просто птиц и кошек разбирают всегда в первую очередь. Я решила не надеяться на судьбу и поймать себе заранее. А потом проведут ритуал привязки, и ворона станет моим фамильяром.

Я покачала головой.

– А выглядит, как ручная.

Девчонка засмущалась.

– Это у меня дар, я умею договариваться с животными.

– Ого! А ты так с любым могла бы договориться? Так ты могла и слона из королевского зверинца увести!

– С любым на территории академии. Животное должно принадлежать академии. Это правило. А то одна девочка однажды украла борзую у местного дворянчика из мелкопоместных, так академия до сих пор судится, – доверительно поведала девчонка. – Собаку-то вернули хозяину по первому требованию, но они ж после ритуала умнеют… Собаку не устроила роль производительницы, а его не устроила говорящая собака, вот он иск и выдвинул. А она у него теперь адвокатствует.

История, конечно, забавная, но я все равно не слишком-то понимала, зачем фамильяр вообще нужен. Тем более говорящий. Что вообще ведьмы с ними делают? Может, это просто местная традиция? Мало ли на свете странных традиций. Кто-то пивом упивается целую неделю, кто-то вокруг елок кругами ходит, а кто-то устраивает из академии зверинец.

Решила уточнить на всякий случай.

– А после выпуска фамильяра забираешь? Или вернуть придется? Ну, раз он академии принадлежит?

– Конечно, забираешь. Это же подарок. Фамильяр, как правило, еще и привязывается печатью, которую может только хозяин снять. Так что выдадут, и делай с ним что хошь – хоть музыкальные инструменты. Вон, видишь, девчонка с длинным носом и белой кошкой пошла? Так она каждый семестр по кошке берет. Хобби у нее такое… У-у-у, гадина, – девчонка поежилась. – Но гадина талантливая.

– И что же – приведу лошадь, будет у меня говорящая лошадь?

– Ага. Только из местных конюшен приводи. Или в парке поймай дикую, я вроде видела каких-то, когда на ворону ловушку ставила… те должны быть получше.

– А отказаться никак? – спросила я с надеждой.

– Не, никак. В программе на общение с фамильяром целая уйма часов выделена. Думаешь, позволят прохалявить?

Я задумалась.

В голове зрела какая-то идея. Она была абсолютно дурацкой и нежизнеспособной, и просто не могла сработать, но…

Дело в том, что я никогда не любила животных, а те отвечали мне взаимностью. Когда мне было пять лет, кролик чуть не откусил мне палец. Лошади так и норовили лягнуть, собаки – облаять, кошки – обдать презрением и оставить парочку царапин на память.

Так что перспектива не просто завести себе говорящее животное, но и выслушивать его треп, да еще и после окончания учебы тащить его домой, совершенно не вдохновляла.

За ним же придется ухаживать! Его же придется выслушивать! Общаться! Играть!

Боже, упаси.

Так что еще через каких-то полтора часа стояния в пропахшем навозом шумном коридоре я поняла: хоть моя идея и сумасбродная, и совершенно не имеет шансов осуществиться, я все равно не буду выглядеть глупее, чем та девчонка, что только что прискакала на третий этаж на единороге.

По лестнице.

Не знала, кстати, что в этом лесопарке еще и единороги водятся.

Так что, когда настала моя очередь, у меня уже был примерный план действий.

Я вошла в комнату и едва подавила желание зажать обеими руками нос. А я-то думала, что уже притерпелась!

Передо мной стояло штук пять пустых клеток, наверное, из-под кошек; батарея банок, в которых содержались жабы, лягушки экзотических расцветок, богомолы, пауки и даже огромные тараканы; сидело несколько весьма унылого вида собак в намордниках – эти смотрели на меня с надеждой. На насесте возвышался голубь, а рядом – огромный орел, на чью голову надели специальный колпачок.

Я задержалась ненадолго у клетки с белыми мышками. Они были забавные: попискивали, дрались… Одной уже успели откусить ухо.

– Простите, пожалуйста! – крикнула я, стараясь перекричать стрекот сверчков.

Самих сверчков видно не было, но вот стрекот оглушал и буквально валил с ног.

– Да-да! – отозвалась женщина из-за большой стойки со змеями.

– Знаете, я хотела бы… немного необычное животное.

– Ваше имя?

– Ела… – я вспомнила предостережение Щица и решила ему последовать, – Еленька Дезовски. Дочь нэя Дезовски.

Я знала по своему опыту: дочери нэя Дезовски с удовольствием предоставляли самых экзотических животных. Вот и местная животноводка сразу отвлеклась от змей и подошла ко мне.

Одна, правда, так и осталась висеть у нее на шее диковинным ожерельем.

– Я правильно понимаю, что могу выбрать любое животное, которое принадлежит академии?

– Сначала вам нужно его поймать и привести сюда, – женщина устало вздохнула, всем своим видом показывая бесконечную длину своего рабочего дня. – Может, возьмете песика? Он умный и верный. Смотрите, какая шерсть. С предыдущей хозяйкой ему не повезло, но он все равно ласковый. Зачем тратить мое и ваше время ради затеи, которая вряд ли увенчается успехом?

Она выговорила все это, как скороговорку. Я явно не первая пришла задавать ей глупые вопросы, да и регистрация найденных на территории академии животных скорее всего занимала у нее больше времени, чем простое вычеркивание из списка тех, что сидели в клетках.

Но от этих ее проблем я отмахнулась безо всяких угрызений совести.

– Приведу-приведу, не беспокойтесь, хватит и пары часов. В крайнем случае… там такая очередь, что вам придется еще и завтра принимать. Так что я могу и завтра привести… Так любое животное, принадлежащее академии? Даже единорога?

– Даже единорога.

Женщина отложила в сторону планшет и рассеянно погладила подошедшего к ней пса. Змея на ее шее болталась безжизненной тряпочкой, видимо, устав не меньше хозяйки.

– А если я встречу здесь дракона?

Женщина с трудом сохранила безразличное выражение лица. Ее полудохлый удав поднял голову и с интересом уставился на меня.

– Встретите – обязательно ведите! Привяжем в лучшем виде.

– Зачем? Мне не нужен дракон. Я это спросила, чтобы узнать, распространяется ли щедрость академии на разумных животных. Папенька учил меня, как правильно читать договоры. Здесь, насколько я понимаю, сказанное вслух слово имеет ту же силу? Я читала сказки, – я скрестила руки на груди. – Хочу человека.

– Что-о-о?! – воскликнула женщина, а удав соскользнул с ее шеи на пол и начал свиваться в кольца, будто для броска.

Открыл рот, и я увидела огромные клыки; ой, кажется, это не удав…

– Слуг здесь держать запрещено, но вот фамильяров – нет. Хочу, чтобы от моего фамильяра была хоть какая-то польза? кроме шерсти для вязания… – Я пожала плечами, изо всех сил сдерживая желание развернуться и убежать подальше от агрессивных змей и их хозяек. – Пускай академия подарит мне человека.

– Это животное очень сложно содержать. Минуточку! – вкрадчиво сказала женщина и нырнула куда-то в глубину клеток.

Через несколько томительно долгих минут она вылезла оттуда с кошкой на руках.

Это была очень красивая кошка. Я даже залюбовалась ее голубоватой шерстью. Я с уверенностью могла сказать, что это редкая порода: частенько видела таких на выставках где-то в конце экспозиции, на самых выгодных местах.

Женщина, недолго думая, сунула кошку мне в руки. Вот это она зря.

Дальнейшее произошло стремительно: я чихнула, кошка мявкнула и, разодрав мне ненароком руку, прыгнула в сторону клеток с черепашками, где и скрылась.

– Давайте вы не будете пытаться повторять, – сказала я, наблюдая, как вспухает кожа вокруг ранок. – На большую часть животных у меня аллергия. У остальных – аллергия на меня. Да меня даже вон, – я указала на опрокинутые кошкой клетки, – даже черепашка тяпнет. Так что давайте мне человека…

– Не уверена, что вам хватит…

– Чего? Денег или ответственности?

– Терпения. Есть только один человек, которого академия могла бы подарить вам в качестве фамильяра…

– Он мне подходит, – я медленно кивнула. – Да, идеальный вариант.

– Простите? Кто именно?

Я подняла глаза и смело встретила ее недоумевающий взгляд.

– Я хотела бы завести фамильяра по кличке Щиц. Еще раз спрашиваю, есть ли какие-то проблемы? Мне его позвать, привести, или обойдемся без формальностей?

Она отвела глаза и буркнула:

– Ну, дело ваше. Я предупреждала.

Выписала какую-то бумажку и сунула мне.

– Завтра на закате приходите, будем переписывать его метки. Сможете уговорить вашего будущего питомца на эту крайне опасную для жизни процедуру – молодец. Нет? Я придержу для вас кошку. За смелость и наглость.

Я взяла бумажку и слегка поклонилась, выражая почтение.

Кажется, я победила.

Только вот как уговорить Щица?

А-а-а, кто не рискует, тот сам себе гладит платья. Как-нибудь да справлюсь!

Глава 3

Господи всемогущий, осени меня крылом своим: Щиц пропал!

Как его искать, где его искать… Я смотрела в лес. Сгущались сумерки.

Щиц не выходил из леса, не появлялся и со стороны жилых корпусов.

Холодало.

Почему-то я думала, что все будет просто. Я встану перед общагой, позову громко Щица по кличке, и он появится передо мной, как в сказках появляются волшебные горбатые кони. «Га-га-га, чего изволите?»

Он же обещал, если что, отозваться! Обманщик, проходимец и подлюга!

Я посадила голос, но никакого Щица не дозвалась. Зато проходившие мимо девчонки уже начали перехихикиваться. Я бы на их месте тоже с удовольствием похихикала, но я-то на своем! А тут почему-то плакать хочется.

– Эй! – подошла ко мне одна из них.

Ее я не узнала. Зато узнала ее ворону. По запаху. То ли я надышалась свежим воздухом и отвыкла от душного звериного запаха, то ли она начала вонять еще сильнее.

Я вспомнила нехитрый способ Щица знакомиться.

– Привет, э-э-э… – протянула я, старательно копируя его интонацию, – э-э-э…

– Боннельфина… – представилась девчонка и скромно потупилась.

Ну-ну, она такая же Боннельфина, как я – Арафья! Особенно если помнить, что настоящими именами здесь не принято разбрасываться. Вот ведь придумала себе имечко, не выговоришь. Я такие лет десять назад давала куклам…

Я лучезарно улыбнулась.

– А можно я буду звать тебя просто Бонни? А ты зови меня…

– Еленькой? Я тоже сокращу тогда. Эля?

Я немного подумала. Почему бы и нет? Коротко, лаконично. Звать удобно.

– Пойдет. Но откуда ты…

– Хвосткрючком рассказал, – и поспешно добавила: – Пес. Тот, у которого еще ошейник такой… погрызенный немного…

Кажется, у меня было очень глупое лицо. Бонни обреченно вздохнула и напомнила:

– Разговариваю с животными. А они – со мной. Никто еще не требовал себе человека, знаешь ли. Все были взволнованы. Они боятся стать ненужными, все… многие черепахи ждут своего дня уже больше десяти лет. Я не спрашивала специально, но они хотели с кем-то поделиться, а я не могла заткнуть уши.

А глаза у нее такие честные-честные… Да-да, не спрашивала. И ко мне подошла просто так, рядом постоять, а не узнать подробности из первых рук.

У Бонни был большой рот прирожденной сплетницы, длинный нос прирожденной сплетницы и даже дар прирожденной сплетницы. Любой физиогномист, завидев ее, замолчал бы навеки и никогда не открыл бы ни одного своего секрета даже на ушко любимой таксе.

Особенно любимой таксе.

– Может, возьмешь черепашку? – Бонни несмело тронула меня за рукав и достала из кармана какой-то камень. – Вот, не смотри, что маленькая: ей тридцать пять лет, и тридцать четыре из них она ждала тебя.

– Эта штука умеет гладить белье, чистить одежду, накрывать на стол, переносить вещи? – спросила я, стараясь не показывать своей неприязни: раз уж черепаха все понимает, стоит побыть вежливой. – Может, я смогу ее этому научить?

– Вряд ли, – вздохнула Бонни.

Она погладила черепашку по морщинистой голове и сунула обратно в карман. Всем своим видом Бонни выражала вселенскую скорбь, даже ворона на ее плече нахохлилась и склонила голову.

Я начинала думать, что ее ко мне подослали.

– Тогда мне нужен Щиц.

– Зачем тебе этот неудачник?

– Почему это неудачник? – я спросила только чтобы поддержать разговор, ответ был вполне очевиден.

Везунчики не попадают в рабство в королевстве, где это самое рабство уже два века как официально отменили.

– Как почему? Царапинка, – Бонни похлопала по карману, – говорит, что он попал в вечное рабство после того, как умудрился во время забега по главному корпусу споткнуться о какую-то очень древнюю и крайне ветхую прялку. Донце в одну сторону, лопасть в другую, веретено вообще растоптал случайно… И все это – перед приездом королевской комиссии! А прялка была королевской реликвией!

– Как он это сделал? – удивилась я. – Зачем?

– Царапинка не знает, – развела руками Бонни. – Говорит, возможно, в этот момент он был одержим гением разрушения и это был спонтанный забег. Вдохновенный… – она чуть понизила голос, – честно говоря, я не всегда понимаю, что она имеет в виду, черепахи настолько… другие. Лучше спроси у него самого, если дозовешься…

– Не могу. Зову, зову – не отзывается. – Я пожала плечами. – Начинаю думать, что ничего не получится. А ведь это возможность… – тут я сделала паузу.

Что я знала про Бонни?

Она любит животных и стащила черепаху из неволи. Возможно, я ошиблась в выводах, но попытка не пытка? Стала бы Бонни подходить ко мне, если бы не хотела помочь? На засланку она все-таки не похожа. Делая ставку на душещипательную историю, засланка притащила бы не морщинистую замшелую черепаху, а котеночка или щеночка с огромными глазами и пушистой шерстью. Черепаху же можно пожалеть только если ну очень любишь животных, а я уже наглядно доказала, что это не так.

– …Да-да! Единственная возможность для Щица выбраться из клетки! – сказала я вдохновенно, надеясь, что все-таки не ошиблась. – Я – его самое большое везение в жизни. Поэтому его обязательно надо найти и убедить! И для этого, – главное было не дать ей задуматься, поэтому я опасливо ткнула пальцем в ворону, – нам нужна она!

Ворона шарахнулась, расправив крылья… кульком свалилась с плеча Бонни и деревянно стукнулась о землю. Потом резковато встала и дерганно пошла.

Она походила скорее на заводную игрушку, чем на ворону. О господи, я ее что, убила? То есть… нет, она же двигается, но…

– Она же может нам помочь? – спросила я, удивительно четко понимая, что Бонни, кажется, не общалась со своей вороной.

Она ее постоянно гладила, весь день с ней нянькалась, но не болтала, как с черепахой. Не прислушивалась к ней. Не отвечала…

– Она вообще живая? – озвучила я свою догадку.

– Не-мертвая, – вздохнула Бонни. – Только не говори никому, ладно? Секрет… Да, я могу оживлять зверюшек. Но я не хочу заниматься некромантией, вот и… а ворону я случайно оживила. Ничего не могу поделать, она лежала, такая несчастная! И обратно никак… Жалко же… – Бонни всплеснула руками – эта ее манера активно жестикулировать делала ее саму похожей на большую паникующую птицу. – Если кто-нибудь из преподавателей поймет, что она не-мертвая, то у меня будут проблемы. Я думала отпустить, но если кто-нибудь из них ее найдет, то все… поднимать мне трупы по погостам всю оставшуюся жизнь.

Скорее, укладывать обратно. Да и что мешает закопать поглубже? Нет тела – нет улик. Но вслух я этого не сказала, вместо этого спросив:

– А если ты ее с собой везде таскать будешь, разве не больше шансов, что кто-нибудь заметит ее состояние? Как я…

– Я рассчитывала замаскировать эманации смерти меткой фамильяра. Тайе Гарьянски, которая накладывает метку, не очень-то внимательная… И ее будут отвлекать. А я еще хотела попросить встать завтра прямо перед тобой, чтобы ей уж точно не до Каркары было, – она снова потупилась, – извини…

Так вот почему она подошла! Теперь все ясно. Хотя я и не поняла, за что она извиняется. Я бы, наверное, на ее месте точно так же постаралась спрятаться и

затеряться за кем-нибудь более ярким. К сожалению, мне эта тактика помочь не могла.

Но вот заключить взаимовыгодную сделку я способна… Особенно, когда мне ее чуть ли не на блюдечке с голубой каемочкой преподнесли.

– Ты же понимаешь, что если мы не найдем Щица, то и отвлечь никого не получится? – вкрадчиво спросила я.

Бонни кивнула. Взяла ворону на руки, пригладила ей перышки, почесала шейку… и подбросила в воздух. Каркара с видимым усилием взмахнула крыльями и неровно, иногда уходя в крутое пике, куда-то полетела.

– Пойдем в дом, – сказала Бонни, цепляя меня за рукав, – завтра она будет знать, где Щиц, а я буду знать, где она. У тебя большая комната?

Кажется, Бонни решила набиться ко мне в соседки. А то и в подружки.

Может, этот самый Хвосттрубой и фамилию мою назвал. Тайе Дезовски, пишется так же, как и «конезаводы Дезовски», ага. А еще как колбасы Дезовски, молоко и сыры Дезовски, и даже как прядильная мануфактура Дезовски.

Могла бы и не спрашивать, и так же все знает. Тетенька об этом говорила? Комната побольше, местечко потеплее – для ее вороны в самый раз теплые места…

Не стоило разочаровывать Бонни, пока ее ворона ищет Щица. Поэтому я ответила беззаботно, с некоторым даже намеком:

– Немаленькая…

Врала, как дышала: комната была крохотной. По сравнению с моей комнатой дома – конура, да и только.

Но Бонни, как вошла, сразу же восхищенно ахнула:

– Ого, какое окно! С видом на парк?

И полезла открывать форточку, впуская в комнату холодный весенний ветер.

Не то чтобы окно раньше сильно ветру мешало, но теперь в комнату заползли звуки раскинувшегося под окнами леса: он вопил голосами незнакомых птиц, агрессивно трещал ветвями и вообще заставлял чувствовать себя неуютно.

Я девушка городская, меня вид на лесопарк нисколько не вдохновляет. Вот раньше у меня под окнами была церковь, школа и богадельня. Замечательное зрелище: утром школьники идут в школу, а я после бала отсыпаюсь; ближе к ночи старики тянутся в богадельню – а мне туда и не надо, и никогда не будет надо. И до церкви пять минут, а не как некоторым – полгорода на телеге трястись, а то и на своих двоих отшагать, чтобы потом воскресную службу отстоять.

И, главное, всем польза: мы же не просто так рядом со школой и богадельней живем, мы на них жертвуем. И на нужды церкви жертвуем, и немало.

Поэтому папенька на воскресные службы не ходит, некогда ему, и все равно числится одним из самых благочестивых прихожан… Только вот кто теперь будет представлять Дезовски на воскресных службах? Сколько себя помню, одна там стояла, ни тетенька не заглядывала, ни папенька.

А теперь и вовсе никого не будет, пустой ряд скамей останется… жалко.

Я любила это место: островок спокойствия в моей стремительной жизни. Там всегда можно было остановиться и подумать… А здесь все никак не удается остановиться.

Вчера надеялась, разберусь со всем перед сном, разложу по полочкам, и уснула, стоило голове коснуться подушки.

Целый день принимаю необдуманные решения, вот и идет все… наперекосяк. И Щиц пропал.

Бонни плюхнулась на кровать. Та протяжно скрипнула, отрывая меня от размышлений и заставляя прислушаться к ее бесконечному трепу.

– …Повезло тебе все-таки с фамилией.

– А?..

– Однофамилица таких людей! – Бонни развела руками широко-широко, как рыбак, повествующий о пойманной рыбе.

– Каких таких людей? – удивилась я.

Может, помянет мою бабку? Тетенька говорила, про нее тут пишут в учебниках. Знать бы еще что.

– Как же! Колбасы Дезовски, конезаводы Дезовски… Наверное, решили, что ты их родственница. Вот и не перечат.

– Ага, – мрачно сказала я, – родственница. Целая наследница!

Бонни расхохоталась.

– А я – принцесса шеньская тогда! – отсмеявшись, выдала она. – Ты на наследницу не похожа ну ни капельки!

– Если это из-за форменного платья… – растерялась я.

Я уже заметила, что без корсета выгляжу куда полнее, чем в корсете, да и серый цвет платья придает моему лицу зеленоватый оттенок, но не настолько же все плохо?

– Да нет же, я ее видела! – Бонни встала с кровати. – Она вся такая… блестящая, понимаешь? Сразу ясно, что не нашего полета птица…

– Это где ты ее видела? – удивилась я.

Я-то Бонни точно раньше не встречала.

– Мама у меня доярка, – сказала Бонни так просто, как будто мать-доярка это самое обычное де…

Холод! Конечно, самое обычное. Я в Академии ведовства и чародейства, а не на балу у градоначальника. Не удивлюсь, если тут таких, как Бонни, востроносых простушек – полнабора.

Я раньше как-то и не задумывалась об этом… но тетенька хороша: всю жизнь оберегать меня от общения с неподобающими моему статусу людьми, чтобы при первой же возможности запихнуть меня в академию, учиться бок о бок с дочерьми доярок и пастушек.

– Работала на ферме, принадлежащей Дезовски…

Которые еще и работают на папеньку! Ну, тетенька, ну удружила! Чему я здесь научусь, скажите на милость? Коз доить?!

– …замечательное было время, – мечтательно продолжала Бонни, не замечая моего смятения, – там хорошо: платят аккуратно и столько, сколько обещано, мне разрешали вместо мамы выходить, когда она болела… или вместо сестер, у меня там две старшие сестры работали. И я на подхвате. Самая большая ферма была в округе! И однажды нас сам нэй Дезовски посетил, с тайе Дезовски вместе посещали…

А-а-а, помню! Давняя поездка, мне лет семь было… Папенька объезжал свои лучшие фермы, тетенька приболела, меня на нее оставить не получилось, вот меня тогда на руках и носили за папенькой. А иногда и сам папенька носил. До сих пор иногда эти бесконечные коровы в кошмарах снятся. То есть и Бонни что, тоже лет семь было? И с тех пор она это помнит?

– И тайе Дезовски была такая красивая! У нее платье было ну совсем как у принцессы крови! И ее на руках несли, представляешь? Ну куда ей было в ее туфельках и в нашу грязь… – в голосе Бонни мне слышалось искреннее восхищение, я даже было загордилась, но потом она как сказанула: – А ты, уж извини, ну никак не тянешь на принцессу крови. Посмотри в зеркало!

– Даже принцесса крови не будет похожа на принцессу крови, если напялить на не местную форму, – надулась я.

– Но принцесса крови не скажет «напялить», она скажет «одеть».

– Надеть, – машинально поправила я, – ты прямо моя тетенька. Не говори то, не говори се, а то никто и не поверит, что ты – это ты, а не доярка из-под сохи… Меня затащили в дурацкую академию против моей воли, чуть ли не из-под венца! Что хочу, то и говорю, ясно?

– Вот-вот, а у тайе Дезовски жениха не было, я точно знаю!

– Откуда? Она тебе что, докладывала? – эта идеальная тайе начинала меня не на шутку раздражать.

По описанию Бонни представлялась почему-то худющая как палка блондинка с воловьими голубыми глазами и губками бантиком, которая прикосновением пальца излечивала младенцев и увеличивала надои, мягким сиянием своего нимба освещая каждый загаженный уголок в том дурацком коровнике.

– В газетах ничего не писали, значит, нет, – пожала плечами Бонни. – В газетах про все пишут.

Я почему-то почувствовала жуткую усталость.

Теперь у меня даже моего собственного имени нет. Я могу рассказать Бонни, но зачем? Она видит, в каком я жалком состоянии, не поверит, даже предъяви я ей свое фамильное древо… которого у меня, кстати, и нет. Папенька все собирался купить, да так до сих пор и не собрался.

Папенька со мной не разговаривал с тех самых пор, как нэйе Улина… упала. Может, я теперь и не наследница вовсе, может, папенька от дочки-ведьмы отказался, отдал на откуп тетеньке и все… какие его годы – женится еще раз, будет у него сын.

Может, он всегда сына хотел, а я мешала. Иначе – позволил бы тетеньке вот так просто увезти… сюда?

– Ага, – я улыбнулась – это помогало мне не заплакать, – раскусила. Однофамилица. Только тс-с-с! А то комнату отнимут. У меня ж кроме этой

фамилии и нет ничего…

…так, пара камешков на дне сундука. И их стоит перепрятать, а то знаю я, как тут вещи магическим образом берут – и исчезают. Особенно дорогие.

– А тебе не страшно? – спросила Бонни полушепотом.

– Что страшно?

– Что узнают…

– И что? Комната-то уже официально за мной закреплена.

– Подселят незнамо кого… Да и вообще, если все получится, фамильяру-то с тобой спать придется. А он человек. Парень.

Никогда не воспринимала слуг как парней. Но в чем-то Бонни была права: я безвозвратно загублю свою репутацию.

Меня бы это даже беспокоило, если бы я ее уже не загубила тем, что учусь в этой академии, будь она неладна!

– Ужас! – бесстрастно сказала я. – Какой ужас!

Сделаем шторку, выбьем еще комнату, тоже мне проблема.

– Вот-вот! – подхватила Бонни. – Но не волнуйся, я помогу.

И, не успела я возразить, вылетела из комнаты.

Я едва подавила порыв запереться и больше никогда не подпускать Бонни на расстояние вытянутой руки. Эта девчонка оказалась на диво предприимчива.

Ну и что? Сама же вечно жаловалась на то, что дочки градоначальника, да и все остальные мои ровесницы, скучные и ничего в жизни не смыслят. А как встретила кого-то оборотистого, так сразу и испугалась? Да и вообще. Что Щиц

говорил? Мне нужна подружка. Бонни сообразительная, быстро схватывает, знает о местных порядках куда больше меня и, что самое главное, обладает такой информацией, которой больше никто не обладает.

А папенька всегда говорил: информация – это полдела.

Ради информации и надежного союзника можно и поступиться отсутствием комфорта. Эта комната тесна для меня одной, но Бонни, наверное, кажется дворцом.

Если я останусь одна, то у меня будет достаточно времени на размышления о том, как я несчастна. Ну нет: чем рыдать в одиночестве, лучше уж дать почувствовать дочери доярки, каково это – быть принцессой крови в настоящем однокомнатном дворце с учтивой соседкой.

Только ворона будет за окном ночевать, ага.

А если с Щицем не выгорит, будет кому заниматься стиркой. Как ни посмотри – сплошные плюсы.

Поэтому, когда на пороге возникла Бонни и три огромных баула с вещами, вместо того, чтобы быстренько захлопнуть дверь и забаррикадироваться, я улыбнулась – и шагнула в сторону, освобождая путь.

Когда в окно мокрым кулем влетела Каркара, мы как раз втаскивали в комнату выделенную Бонни раскладушку. Это чудовище громыхало и сопротивлялось, даже прищемило Бонни палец, и я бы давно бросила эту дурную затею, если бы не видела предыдущую комнату Бонни. Я, вообще-то, не привыкла сочувствовать полузнакомым людям, но теперь я отлично понимала ее стремление вырваться оттуда как можно скорее.

Бонни тоже рассмотрела свою старую комнату во всех подробностях, у нее было побольше времени, чем у меня, она там, о Холод, спала! И даже познакомилась со своими пятью соседками, поэтому у железного чудища не было никаких шансов.

Даже потеряй Бонни ногу, она бы вспомнила пузырящиеся обои, прелый запах полусгнившего пола, дружелюбных тараканов и ту огромную мокрицу, явно удушившую в своей жизни не одного младенца, и продолжила бы толкать железяку так же стоически и молча.

И мы бы справились, если бы не ворона, Холод ее забери!

Каркара плюхнулась хозяйке на плечо, и Бонни взвизгнула. Еще бы, ей за шиворот вылилось с полведра холодной дождевой воды. К несчастью, она еще и уронила свою половину раскладушки, та кровожадно клацнула об пол, и тут уже я не удержала эту гадину: она завалилась на бок и намертво застряла поперек дверного проема. Хорошо хоть второго, которым заканчивался короткий коридорчик прихожей, а входную дверь мы благополучно миновали и закрыли, иначе бы мы оказались очень, даже слишком знамениты среди местных обитательниц.

– Х-хорошие новости, – сказала Бонни, усадив ворону на раскладушку и пытаясь оттереть грязные потеки с шеи носовым платком. – Она нашла Щица. Такой… горбатый?

– Ага. – Я пнула раскладушку, но та стояла неколебимо. – Плохая – она застряла.

– Давай комендантшу на помощь позовем. Она такая… мощная… – несмело предложила Бонни, неосознанно убаюкивая прищемленный палец.

– Ага, – согласилась я, – и суровая.

Огромная бабища в летах. Я на нее смотрела и понимала: сказки о троллях – это не сказки. Это народная мудрость, передаваемая из уст в уста. Так и хотелось взять мешочек с маковым семенем, бросить оземь и бежать опрометью, пока она его пересчитывает.

Или это против вампиров работает?

– А у нас есть выбор? – Бонни пожала плечами. – Хочешь опять своего Щица позвать? Мы вроде уже поняли – он так просто не появляется. Нужен волшебный порошок, палочка-выручалочка или… – она погладила Каркару по мокрой

голове, – хотя бы дохлая ворона. Без обид, Каркарочка, ты молодец.

– Он не мой, – нахмурилась я.

– Ты решила сделать из человека фамильяра, – фыркнула Бонни. – Возможно, прозвучит и жестоко, но фактически ты хочешь получить права на владение этим человеком. И ты даже нашла лазейку в правилах. Я помогла тебе ее найти, и это… – она отвела глаза.

– Ты…

– Не осуждаю. Но очень надеюсь, что это обдуманное решение, и ты понимаешь, что делаешь. Иначе… я еще не вернула Царапинку, она будет рада.

– Не стоит.

– Одного не понимаю: если Щиц согласился, то почему он так старательно прячется? – продолжила Бонни. – Давно должен был появиться.

– Каркара ведь нашла…

– Каркара нашла, но не факт, что он все еще там.

Мне стало не по себе. Очень уж серьезно Бонни отнеслась к моей затее. Я как-то не особо задумывалась о том, как ее может воспринять человек посторонний. Не то чтобы мнение Бонни мне было важно, но…

– Я не собиралась им владеть, знаешь ли. Не думаю, что все настолько серьезно…

– То есть ты с ним ничего не обсуждала… – вздохнула Бонни. – Ладненько. Не мне осуждать.

Ну да, не девчонке, отчаянно пытающейся скрыть свою дохлую ворону за чужим, куда более скандальным дельцем. Да и вообще: я играю по правилам, которые установила академия. Если правила такие дурацкие, разве я виновата, что ими пользуюсь?

Не думаю.

Любой бы на моем месте постарался выжать из ситуации максимум.

Любой.

Это выгодно не только мне, но и Щицу.

– Хватит стоять с таким кислым выражением лица, – вдруг улыбнулась Бонни, – а то как будто ругаемся. Пошли, чаю выпьем, а то надоело стоять и обтекать в коридоре.

– А… – я указала на раскорячившуюся на весь дверной проем железяку.

– Щиц обещал прийти вечером, после работы. Он знает, что ты его звала, просто занят был. – Еще шире улыбнулась Бонни. – Каркаре он понравился. Так что подождем его, авось разберется с этой штукой. Да и предлог будет спросить так, как будто тебя вообще интересует его мнение. Я почему-то так и подумала, что вряд ли ты успела у него хоть что-то спросить… Белки видели вас вместе один-единственный раз, догадаться было несложно. Поэтому я просто пригласила его на новоселье.

Какая она все-таки лиса. И как мне повезло, что эта лиса на моей стороне.

– А ему никто не мог рассказать? – спросила я на всякий случай.

– Думаешь, почему я на стипендии?

Бонни посмотрела на меня так, как будто ответ был очевиднее некуда. А я даже и не знала, что она на стипендии. Наверное, надо ее поспрашивать о жизни, а то все время какие-то удивительные открытия…

Бонни успела пролезть под раскладушкой и поставить чайник на скромно стоявший в уголке кусок железа, который здесь заменял плиту. В отличие от меня, она умела им пользоваться – то есть разогревать железку с помощью магии, демонов, не знаю чего, Холод ее разберет.

Так и не дождавшись от меня внятного ответа, Бонни пояснила:

– Редкий у меня дар, поэтому решено было выделить мне стипендию. Не от академии – от соседнего города. Говорят, сам нэй Дезовски выделил какую-то сумму… Мне нужно будет отработать у него на фермах пять лет после окончания обучения, но я не против…

Бонни болтала беззаботно, и слова ее звучали искренне. Конечно, то, что ее обучение частично оплачивал папенька, было подозрительно. Но если бы она привязалась ко мне из-за этого, то она бы никогда мне не рассказала. И… это я с ней первая заговорила.

Иногда случайности – просто случайности.

Я решила, что буду думать так. Совершенно не хотелось все время подозревать собственную соседку: только трепать нервы и себе, и ей. Даже если ее и подослали – и что? Кто бы отказался от такого шанса? Я? Будь я дочерью доярки? Трижды «ха»!

– …И, в общем, никто кроме меня в этой академии с животными говорить не может. А еще одна очень старенькая преподавательница, к которой я должна буду ходить на индивидуальные занятия. А больше никак и не подслушать: кабинет-то изолированный, да и шумно…

Неудивительно, что папенька отвалил за Бонни круглую сумму. Он всегда любил полезные диковинки.

Наверное, я все-таки в него пошла. Нашла же с Бонни общий язык.

Сейчас еще и получу себе единственного в своем роде фамильяра, и заживем!

Кажется, эта академия все-таки не станет пустой тратой времени…

Глава 4

В любой ситуации можно найти положительные моменты. Например, Щиц был настолько любезен, что занес раскладушку. То, что мы с Бонни волокли с большим трудом, в его руках больше не выглядело чудищем.

Щиц аккуратно поставил ее на пол и даже разложил.

– Новоселье, значит, – хмыкнул он беззлобно. – Еще что-нибудь перенести надо? Может, передвинуть?

И вот после этого мне вдруг стало жутко стыдно. Он так это сказал… спокойно; он знал, что вместо чая его будут ждать бесконечные подай-принеси, и давно с этим смирился…

Я не должна была стыдиться, но сложно было привыкнуть, что кто-то, кто не ведет себя как слуга, ведет себя как слуга, когда дело доходит до работы. Это просто не укладывалось в голове. У меня там просто не было правильной полочки, куда я могла бы Щица определить.

А вот Бонни совершенно не знакомы были муки совести. А может, у нее как раз все замечательно укладывалось. Она просияла:

– Ой, а можешь? Я котлы оставила… Мелкие перетащила, но у меня и чугунный есть, мне подарил…

…Нэй Дезовски подарил, ага, кто же еще. Дочь бы так собирал, как Бонни. Хотя нет! Бонни он подарил какие-то котлы, а со мной отправил тетеньку.

Надо написать ему письмо: пусть приплачивает мне за свое освобождение из-под бдительного рыбьего ока. И в церковь хоть иногда заходит, а то еще подумают что-нибудь не то. Дочь ведьма, сестра – злобная старая карга, тоже вылитая ведьма…

Я беспокоюсь за папеньку. Беспокоится ли он за меня?

Вряд ли: на носу конец квартала и плановый визит налоговиков. В это время его даже поесть заставить – и то проблема. А через две недели ему опять придется лечить печень…

У-у-у, тетенька, надеюсь, ты не забыла принять необходимые меры перед отъездом! Нэйе Улина в курсе, должна справиться, но…

Как бы папенька ее не уволил: его в это время раздражает все на свете, даже забота.

– …нэй Дезовски! – Голосок Бонни вывел меня из задумчивости, но письмо я все-таки решила обязательно написать.

Услышав знакомую фамилию, приготовилась безнадежно врать, что просто однофамилица, но тут вспомнила, что выдала Щицу только имя, и решила не обращать на это лишнего внимания.

– Так ты на стипендии? Это же тот, что «сыры Дезовски» и все в этом духе? – вежливо поинтересовался Щиц. – Твой дар, наверное, очень ценный и полезный. Я впервые вижу кого-то, кто может разговаривать с животными и из кого при этом песок не сыплется.

Бонни просто-таки засветилась от гордости.

– Мне даже обещали работу, – смущенно призналась она, натягивая рукава на ладони. – Так что да… Знаешь, подождут до завтра эти котлы… Ты ужинал? Мы пока тебя ждали, Эля тут это…

– Бонни, это просто каша из твоей, между прочим, крупы! – немного резковато перебила я.

Я считала, что среди нас двоих хоть кто-то должен мыслить ясно. И мне не нравилось, когда этим кем-то приходилось становиться мне.

И вообще, почему она так радуется такой простой похвале? Это же не изысканный комплимент ее шикарным локонам или острому уму, да и Щиц – не прекрасный принц.

Не достойны мы, Дезовски, такого преклонения. Я вот точно не блещу и не сияю, и по грязи вполне могла тогда пройтись, если бы ножки не устали… ну, оно и к лучшему: а то, кто знает, записали бы меня в святые, пришлось бы еще больше

краснеть.

Еще пару недель назад я бы приняла такое поведение Бонни как должное; но, когда я вошла на территорию академии, что-то во мне сломалось.

Мы, купеческие дочери, быстро приспосабливаемся. Не раз видели на примере неудачливых подружек: сегодня сума, завтра тюрьма – и налоговики налетели серыми грачами, растаскивать имущество до последнего бабушкиного сервиза. Мы быстро чувствуем, куда ветер дует, потому что держим нос по ветру.

И сейчас ветер говорил: «Не заносись, Еленька, если хочешь иметь здесь жизненно необходимых друзей».

– Э-э-э… – протянул Щиц, – Елень… Эля готовила? Она дома-то, на знакомой кухне кухарку отравила, может, пусть сначала ворона?

Ага. Не принц. У принцев чувство такта врожденное, между прочим!

Бонни тут же вернулась в нормальное состояние. Ну, хотя бы перестала мучить рукава. Ага! Зверюшку обидел – и сразу растерял все свое очарование, да? Так тебе!

– Почему сразу Каркара? – Прижала птицу к груди.

– Она же все равно дохла… – Щиц осекся. – Понял. Иду за котлом.

– Шестнадцатый! – бросила я ему в стремительно удаляющийся затылок.

– Что, правда отравила? – полушепотом спросила Бонни.

Ворона наконец вырвалась у нее из рук. Я отсыпала немного риса на тарелку. Каркара клюнула – сначала с опаской, а потом быстро-быстро. С удовольствием.

Она, конечно, была дохлая, но замертво вроде не упала. Я и не думала, что почувствую такое облегчение.

Бонни тоже как-то выдохнула.

– Если я отравлю еду, я это замечу, – без особой уверенности поделилась я. – У меня в прошлый раз кровь носом шла.

– Так это из-за недостатка практики… Наверное.

Я спорить не стала, просто сунула в рот полную ложку риса. Он был горячий, и, кажется, я его чуточку пересолила, но, в общем, вполне съедобно получилось…

– Так своим ядом не отравишься… – жалобно вздохнула Бонни и сглотнула.

Я пожала плечами.

– Как хочешь. Не так уж я и ужасно готовлю, ага.

И идея пропустить ужин и сварить крупу принадлежала не мне. Так что Бонни сама виновата.

Она вроде решилась рискнуть, но тут вернулся Щиц.

Щиц внес котел так торжественно, как будто это был не более и не менее чем наследник престола. Котел бы чугунный, с какими-то завитушками по краям и литыми узорными ручками. А еще он был таким большим, что угрожал вытеснить нас из нашей же комнаты.

Еще у него была крышка.

Я попыталась эту крышку сдвинуть хоть немного – получилось, но в процессе умудрилась сломать ноготь.

– И что ты собираешься с ним делать? – спросила я Бонни, обходя котел по кругу. – Ты же даже не зельевар.

– Думала давать девчонкам пользоваться, – откликнулась Бонни. – Не за так, за ништяки. Но для тебя не жалко, вари там что хочешь.

– У вас в первый год будет одна и та же программа, – сообщил Щиц. – Будете варить по очереди. Это потом вас разделят по способностям… Бонни, позволь, я туда залезу?

Бонни удивилась, но кивнула.

– Подай свою ворону. – Из-за стенок котла голос Щица звучал глухо, но все равно было слышно, что он взволнован.

Бонни Каркару отдавать в руки разным подозрительным личностям не собиралась. Она прижала недовольную ворону к груди и всем своим видом показала готовность дать отпор хоть Щицу, хоть самим демонам холодного Ада.

Из котла высунулась рука и нетерпеливо зашарила в воздухе.

– Ну дай, а? – жалобно попросил Щиц. – Тыщщу лет не колдовал, а тут такая изоляция! Жалко тебе, что ли?

– Что ты с ней делать-то будешь? – спросила я.

Надо же, и сама не заметила, как оказалась в дальнем от котла углу.

– Превращу в кровожадное жаждущее мяса чудовище, конечно! – рявкнул Щиц. – Она будет летать и выклевывать ведьмам глазные яблоки, пока ее не испепелят!

– Это такая месть за то, что тебя забрали в рабство из-за раздавленной горошины? – жалобно спросила Бонни, прижимая притихшую Каркару еще крепче.

Если бы та не была мертва, я бы решила, что Бонни беднягу придушила в порыве чувств.

Щиц высунул голову вместо руки, сдул упавшую на нос челку.

– А это чья версия?

– Девчонки из шестнадцатой прошлой ночью байки травили… – пролепетала Бонни.

– О как! Ну ладно… слушай. Твоя ворона фонит смертью: это факт?

– Наверное…

– А я сделаю так, что все будут воспринимать это как само собой разумеющееся. Можешь смотреть и спасать свою птицу, как только решишь, что я хочу ее упокоить окончательно. Пойдет?

Мне этот цирк уже надоел. Раньше ко мне в очередь выстраивались, а не по углам ныкались, ну.

– Пойдет, – сказала я вместо колеблющейся Бонни, подхватила ее под локоть и шагнула к котлу. – Только я тоже смотрю.

– Да не жалко. – Щиц пожал плечами. – За возможность колдовать – огромное вам спасибо, девчонки. Не представляете, как я по этому скучал… Бонни, ты не могла бы самую чуточку разогреть котел? Мне нужно, чтобы снаружи была чужая сила. Чтобы вышло, что вроде как не я колдую, понятно?

– Так тебе запрещено?! – выдохнула Бонни, всплеснув руками.

Ворона воспользовалась моментом, чтобы вырваться из любящих объятий и без лишних сантиментов перепорхнуть Щицу на плечо. Тот пощекотал ее горлышко… Клянусь, она чуть ли не закурлыкала, как какой-то голубь!

Взял ее на руки, сел поудобнее, скрестив ноги, откинулся на стенку котла, полуприкрыл глаза.

– Пожалуйста, – повторил он спокойно и пробежался пальцами по топорщащимся на голове у птицы перьям.

Она расслабилась – расправила крылья, как какое-то чучело, и лишь иногда чуть поворачивала голову вслед за чуткими пальцами Щица.

Я взяла Бонни за руку, ободряюще сжала. Человек с таким одухотворенным лицом просто не может пожелать другому зла. Так молятся Богу или рисуют картины. И я не хотела, чтобы Бонни мешала – Щиц был как заблудившийся в пустыне путник, набредший вдруг на оазис вместо миража.

Она ведь и сама понимала, что Щиц не сделает плохого. Хотел бы – давно бы сделал. Он сильнее нас физически… и, судя по всему, еще и в магии что-то смыслит.

Бонни обреченно вздохнула… и дунула на край котла, заставляя тот покрыться изморозью. Нетерпеливо мотнула головой – и изморозь тут же растаяла, пара капель полетели на пол и зашипели, испаряясь в воздухе.

Это было похоже на стартовый сигнал на скачках: когда край котла загорелся алым обручем, Щиц как мог выпрямился и подбросил разомлевшую ворону вверх.

Ворона зависла в воздухе, распятая за крылья и ноги: вылитый герб моего родного городка, разве что не орел. Щиц коснулся ее клюва, и по телу обычной грязно-серой встрепанной вороны растеклась смоляная чернота. Приглаживались перья, исчезал сальный блеск, уступая благородным угольным отсветам. Последним почернел хвост. Щиц крутанул ворону, дернул за маховое перо и, кажется, остался доволен.

Зачем-то провел перед ее глазами ладонью. Они так и остались мертвыми и белесыми, и я даже почувствовала некоторое разочарование: думала, он сделает их алыми и светящимися или вроде того. Щиц разочарованно поцокал языком, но, кажется, смирился.

Раскинул пальцы веером и затряс кистями: отрастил Каркаре когти-крючья на лапках, еще солиднее прежних, заодно поправив неловко вывернутый палец.

Еще немного подумал, а потом кончики маховых перьев и хвоста, повинуясь его плавным жестам, окрасились в белый. Пригладил большими пальцами ее лапки: несколько чешуек тоже побелели, складываясь в узор, похожий на изморозь.

Осторожно подхватил ворону под крылья, провел пальцами по клюву, из-за чего черная поверхность покрылась многочисленными белыми трещинками, еще раз

крутанул, одобрительно прицокнул и щелкнул птицу по лбу. Та встрепенулась. Склонила голову, рассматривая свой новый хвост. А потом хрипло каркнула и поднялась в воздух. Сделала несколько кругов по комнате, но не в своей обычной, слегка пьяной манере, а очень даже ровненько, и, очевидно довольная, опустилась на плечо замершей в волнении хозяйке.

Щиц легко выпрыгнул из котла, так и не коснувшись края, и прихлопнул его крышкой.

– Не открывайте до послезавтра, ладно? А то учуют еще, – попросил он, улыбаясь так широко, как будто только выиграл королевскую лотерею.

– Ты что сделал?! – воскликнула Бонни, – Это что такое?!

– Косметический ремонт твоей мертвой вороны. Я немного поправил крылья, она, если ты не заметила, потеряла пару важных перьев, нарастил когти, вправил вывихнутый палец, перекрасил… Свободным человеком я брал за такое немалые деньги, ну. В основном, конечно, за шоу, а не за трудозатраты, но где вы еще увидите такое шоу, а? Так где мое «спасибо, Щиц, ты сделал из моей вороны настоящее исчадие холодного Ада»?

Лучезарная улыбка сильно приугасла, он был готов грудью защищать свое творение, и это было очень заметно. Он занервничал. Бонни никак не могла свыкнуться с новым видом своей ненаглядной – и тоже нервничала. Так и до ссоры недалеко…

Ой! Вместо всяких споров Щиц оперативненько оседлал кривоногую табуретку, захапал котелок с подостывшим рисом и теперь уплетал за обе щеки с какой-то удивительной скоростью. Порция, которую я варила на троих, исчезла за несколько секунд.

– Бонни… – шепнула я, ликуя, что все-таки не стала случайной отравительницей, готовая за это простить Щицу даже государственную измену и пару-тройку невинно убиенных младенцев, – смотри, он все еще живой! Давай ты его помилуешь? Ну сама подумай, он же как лучше хотел: кто подумает, что ворона, раскрашенная под исчадие холодного Ада, и вправду мертвая? Решат, что ты выпендрежница с задвигом на теме смерти, вот и все…

– Еле… Эля дело говорит, я еще и эманации смерти зарихтовал под неумелую иллюзию. – Щиц отсалютовал ложкой. – Есть еще чего-нибудь съедобное? Слишком много энергии потратил, давно не практиковался…

– Только сухарики для лошадок! – процедила Бонни, голодная и оттого жестокосердная.

– Давай сюда свои сухарики, – и, видя, что Бонни не собирается ничем делиться, добавил жалобно: – Ну я же лучше какой-то там лошадки, ну. И голоднее.

– Пусть тебя хозяйка кормит! – Бонни задрала подбородок.

– Чего-о-о? – удивился Щиц. – Нет у меня хозяйки, кроме академии!

– А… я… э-э-э… хотела предложить кое-что.

Кажется, самое время, пока Бонни еще что-нибудь не ляпнула. Да и…

После того, как я увидела магию Щица, мне слабо верилось, что он согласится. Безусловно, это взаимовыгодная сделка; безусловно, умный человек вряд ли откажется от такого шанса, но…

«Всегда учитывай людские чувства, – сказал бы мне папенька, если бы счел бы нужным меня учить. – Особенно, когда работаешь с мастерами».

Гордость – страшная штука – порушила немало выгодных сделок. Помнится, мастер кузнечного дела, которому папенька хотел поручить выковать для него парадный меч, отказался от денег: он работал только с боевым оружием, и папенька нанес ему страшное оскорбление. Он чуть не прекратил с нами всякое сотрудничество, но папенька взял бутылку и запропал в его мастерской на три дня. Меча у него так и нет, ну да и ладно, все равно папенька не умеет с ним обращаться. А вот мастера он удержал.

Мастера знают себе цену. И Щиц гордится своим искусством как настоящий мастер. Я не знаю, насколько сложно то, что он сделал, потому что не отличу настоящей магии от фокуса. Но я знаю, как выглядит уверенный в своих умениях человек.

Как Щиц сейчас.

Он даже держится чуть прямее, чем обычно.

– Э-э-э… – протянула я неуверенно.

Щиц посмотрел на меня внимательно, отложил ложку, которой выскабливал миску.

– Ну?

– Я… общалась с той женщиной, которая отвечает за фамильяров…

– Хочешь, чтобы я тебе белку поймал? – расслабился Щиц. – Или кого-нибудь получше?

– Не совсем… – протянула я.

Бонни мерзко хихикнула.

Иногда она ведет себя как прирожденная ведьма. Хотя любая девчонка порой себя так ведет. Могла бы привыкнуть.

– Перестань, а? – тоскливо попросила я. – Понимаешь, тогда я думала, что ты просто ну… разнорабочий. Ходит столько неправдоподобных слухов, как ты в рабы попал… И если бы я хотела просить тебя кого-то поймать, то это был бы ты.

– Прекрати мямлить, – фыркнул Щиц. – Я никак в толк не возьму, о чем ты.

– Я попросила тебя в качество фамильяра, – четко выговорила я, – извини. Я не хотела никого обидеть, но мне нужен слуга, и это был единственный способ.

– Ты думаешь, это сработает? – после долгой, тянущей душу паузы спросил Щиц.

– Мне сказали – достаточно привести тебя на закате.

– И после того, как ты закончишь обучение в Академии, ты меня отпустишь? – спросил Щиц мягко. – Я потребую клятвы на крови.

Его поза казалась расслабленной, почти вальяжной. Но он был напряжен: я видела, как быстро бьется жилка у него на виске, как сильно он сжал пальцы на многострадальной ложке.

Та уже согнулась – ну ничего, он же и распрямит.

Кажется, Щиц достаточно посидел в здешних рабах, чтобы оценить мое предложение адекватно. Я бы хотела знать, чем он тут занимается… но судя по тому, что пришел так поздно, вряд ли его жизнь – курорт с полным пансионом.

– Я согласна на клятву, чем бы это ни было. Щиц, мне нужен слуга, а не раб.

Щиц наконец-то заметил плачевное состояние ложки. Прищелкнул пальцами и метнул ложку в котел. Та ударилась о приподнятую Бонни крышку и упала внутрь – кажется, уже не гнутая, хотя мне было сложно разглядеть.

– И ты обеспечишь мне возможность колдовать.

Я кивнула.

– Я даже не буду требовать от тебя соблюдения субординации, – сказала я, – обойдемся без лакейства.

Наконец-то меня перестало трясти. Щиц готов сотрудничать – и это замечательно. Конечно, кроме него была Бонни… но вряд ли я смогла бы заставить ее стирать мои вещи. Ведь как ведьма она гораздо сильнее и искуснее меня. Хотя мы обе новенькие.

Все, что у меня есть – это имя и статус. Жаль, что я не смогла взять их с собой в академию, придется справляться за счет других вещей. Головы на плечах, например.

Жаль, что за то долгое время, что я отплясывала на балах и готовилась к замужеству, я почти разучилась ей пользоваться. Там все-таки не голова нужна –

инстинкты.

– Еще бы ты требовала, – склонил голову Щиц.

– Все, что мне нужно, это чтобы мои… наши с Бонни вещи стирались и гладились. Котлы чистились. Комната убиралась. Если возникнет такая надобность – готовилась еда, – я пояснила на всякий случай, – просто не люблю превращать хобби в обязаловку. Все.

– Ты могла бы добиться этого, взяв в фамильяры мартышку, – грустно усмехнулся Щиц.

– Так ты отказываешься? – я подняла бровь. – Думаю, если я попрошу вместо тебя мартышку, академия выделит ее мне с превеликим удовольствием.

– Почему же? – Щиц встал со стула. – Было бы глупо отказаться от такого шанса отсюда вырваться только потому, что страшно четыре года работать ручной говорящей мартышкой.

Он подошел к двери.

– На завтрашнем закате подойду куда надо.

Закрыл ее очень аккуратно, хотя я ждала хлопка. Недовольства. Обиды.

Щиц просто… отстранился. Ушел. Наверное, все-таки обиделся. Но он признал мою правоту, признал, что сделка взаимовыгодная! И вообще, я же старалась предложить безболезненно…

Бонни снова хихикнула.

– У тебя лицо как у ребенка, который только что отобрал у другого ребенка конфету, чтобы нарваться на драку. А тот ему возьми и всучи еще целый кулек. Радуйся давай!

– Ладно, – я пожала плечами. – Я очень-очень рада.

Бонни подошла и стукнула меня по лбу.

– Актриса из тебя никудышная, все на лице написано. Давай вместе: нам не придется стирать мантии! Раз-два: гип-гип…

– Ура-а-а! – подхватила я.

Все-таки хорошо, что эта на диво предприимчивая девчонка стала моей соседкой… и, чем черт не шутит – подругой?

Подружкой. Есть слова, которыми не стоит разбрасываться.

Все-таки перед тем, как называть кого-то другом, необходимо пройти с ним огонь, воду и налоговую проверку. Наше с Бонни общение было выгодно нам обеим, вот и все. Ожидание барыша очень утепляет отношения, не раз видела.

Я не слишком-то доверяю незнакомым людям после того, как меня предал самый родной и самый близкий человек – папенька.

Я вспомнила тот взгляд, которым папенька одарил меня, завидев упавшую служанку. Я, кажется, очень разочаровала его… но я же не просила никакой силы. Я не виновата!

А как мой отъезд будет выглядеть в глазах нэя Элия?

Любил ли нэй Элий меня когда-нибудь или просто обедал за мой счет, развлекал богатую дурочку, ожидая, когда она подарит ему свои денежки? Тетеньку больно слушать, но она частенько бывает права.

Люби он, проследовал бы за мной и сюда. Но я не видела его ни разу. Не получила весточки. И от папеньки тоже ни слова…

– Ты чего такая грустная? Все же хорошо вышло, правда? – Бонни тронула меня за плечо, и я обнаружила, что так и замерла посреди комнаты, оперевшись на монументальный котел рукой.

– Скучаю по дому, – соврала я, – а ты – нет?

– Я тоже, – Бонни застенчиво улыбнулась, – вчера плакала в подушку. Одной скучать совсем тоскливо, а те девчонки, они… не думаю, что им было не все равно. Но вместе скучать не так страшно, да?

– У меня был жених, – на волне иррационального доверия поделилась я.

Может, это часть ее силы: вызывать доверие. Человек же тоже вполне себе животное.

– Ого! – восхищенно воскликнула Бонни. – Настоящий?

– Не знаю, – я пожала плечами, – может, так… просто.

Просто человек, к которому можно сбежать от тетеньки. Просто человек, который позволил бы мне заниматься финансами в свое удовольствие.

Папенька всегда хотел сына. Когда я показывала, что разбираюсь в его работе, он напрягался, звал тетеньку… И я получала удвоенную дозу языков и этикета. Однажды из домашней библиотеки пропали все книги по математике, по которым я училась.

Тетенька сказала, папенька продал их коллекционеру за большие деньги. Выгодная сделка. Все равно они никому не нужны.

Я не должна по ним учиться. И я согласилась под осуждающим взглядом папеньки. В конце концов… танцевать я ведь тоже любила?

С Элием было легко: он ни в чем меня не ограничивал. Он даже не знал, что такое синус или тангенс, и слушал мои рассказы о них с тем же выражением лица, что и рассказы об экзотических животных, которых я видела на представлении у тайе Катански.

Но он не осуждал.

– Тогда глупости это, а не жених, когда просто, – фыркнула Бонни, – должна быть любовь.

– Кому должна? – спросила я скорее ради самого спора, чем ради ответа.

– А как иначе?

– В моих кругах редко женятся по любви, – пожала плечами я, – всегда есть причина.

– Любовь…

– Не причина, – я покачала головой, – любовь – баловство, как танцы. Чтобы сбежать от реальности.

Теперь я понимала.

Раньше моей реальностью был дом, где я, такая, какая есть, не была нужна. Была нужна Еленька – и я вжилась в ее мягкую шкурку, и даже научилась находить в этом бездумном бытии удовольствие. Сложно избавиться от нее полностью – потому что она тоже я, и она останется со мной до самой смерти.

Теперь моя реальность – академия. И не стоит сокрушаться об Элии или о папеньке, потому что в этой реальности их нет и быть не может.

Есть только я.

Эля.

Есть что-то волшебное в смене имени на кличку, в отказе от фамилии и достижений предков. Возможно, это часть той магии, что сделает из меня настоящую ведьму, которой я совершенно не рвусь быть.

Можно плыть по течению и легко стать ведьмой. Как стала ей тетенька.

Я…

Не думаю, что я этого хочу.

Глава 5

В этом вообще есть хоть какой-то смысл? Так… не бывает! Магия какая-то… А, точно.

Закат длился уже часа четыре – если доверять моему восприятию времени, конечно. Я не знала, как ведьмы смогли провернуть такой фокус, и пребывала в восхищении, смешанном с опасениями.

В пропорции примерно три к одному, где три – это опасения.

А вдруг Щиц не придет? А вдруг он не сможет прийти? Если время на этом холме идет иначе и само солнце замерло на одном месте, возможно ли сюда прорваться без приглашения? Я очень сомневалась, что Щицу выдали бы приглашение.

У Бонни из кармана выглядывала Царапинка. Эта черепашка символизировала мою судьбу, если Щиц все-таки не придет. Как я ни старалась, не могла увидеть ничего привлекательного в ее морщинистой шее или якобы утонченно-расписном панцире, по твердости напоминавшем ногти стариков. Черепахи с рождения символизируют старость. Даже смешные черепашата ковыляют, как маленькие старички.

Да, Щиц – горбун, и не то чтобы от разглядывания его перекошенной спины можно было получить больше эстетического удовольствия, чем от общения с Царапинкой. Но он человек.

Даже самый некрасивый человек не вызовет у меня такого отвращения, как вызывают животные. Хотя мертвых животных я предпочитаю живым: к Каркаре я почти привыкла. Наверное, потому, что она для меня скорее диковинный магический механизм, лишь по недоразумению сделанный из костей и перьев, когда-то принадлежавших живой птице.

Впрочем, я навострилась скрывать свое отношение. Еще дома, когда мне показывали котят, слепо тычущихся в живот довольной кошки, или хорошо сложенную борзую, я прекрасно научилась разыгрывать восторг.

Даже Бонни вряд ли догадывалась о моем настоящем отношении к Царапинке. Я ведь погладила черепаху по панцирю и повосхищалась алыми глазками этой божьей твари.

Где же Щиц?!

– Выдохни, – Бонни похлопала меня по плечу, – выдыхай давай. До нас очередь дойдет не скоро. Успеет он. Вон, пейзажи посмотри, красиво же.

Что красиво? Холм как холм.

Как городской житель я знала три вида растений: трава, кусты и деревья. Тут была только трава. Надо же, я и не замечала: на самом деле трава – она разная! Мы двигались вперед по протоптанной очередью тропинке, все выше и выше, держась от остальных девчонок на расстоянии двух локтей.

Это было удобно – все уже давно разбились на группки и совершенно не горели желанием общаться с кем-то другим.

– Вот это, – пояснила Бонни на мой немой вопрос, – горошек мышиный, а еще бывает… – она чуть задумалась, – неважно… А вот… – она сорвала длинный стебель и протянула мне колос, – ежа сборная. Ее еще называют ежа сборная-разборная, – она двумя пальцами провела по стеблю, легко смахнув мохнатую головку, – вот так. Знаешь, что странно?

Каркара на ее плече склонила голову, готовясь внимать. Ну, хоть кто-то слушал.

– Что? – я наконец-то нашла в разнотравье знакомый цветок: одуванчик-то я в состоянии узнать!

Когда Бонни сказала мне выдохнуть, я стала искать, на что переключиться. Возможно, слишком увлеклась. Для того чтобы не начать игнорировать ее, мне приходилось прилагать определенные усилия.

– Сейчас весна. Должна цвести мать-и-мачеха, ну одуванчики, ладно… А тут лето…

– Странно, что солнце четыре часа садится, – пожала плечами я, старательно отдирая от рукава платья какой-то цеплючий шарик.

– Это репей. В нормальном месте он бы и не зацвел еще, – буркнула Бонни, которой надоело смотреть на мои мучения, – вот как этот, – она ткнула пальцем в колючий на вид фиолетовый цветок, и для этого ей даже не пришлось нагибаться, – почему они не сделали нормальную дорожку?

– Мне тут нравится, – возразила я, – мне нравится, что тут есть на что отвлечься.

– Это все мое пастушье прошлое, – пожала плечами Бонни, – не вижу в траве ничего необычного. Трава и трава. Я вообще не про нее говорила. Смотри, вон там…

– Белые камни?

Растрескавшиеся от времени глыбы белого песчаника чья-то мощная рука расставила по кругу. Очередь огибала их по широкой дуге. Никто бы не признался, но было в них что-то зловещее.

Они были неправильной формы: над ними веками работали дождь и ветер. Я не понимала, чего такого замечательного Бонни в них нашла. Камни и камни. Стоят кучкой, как хмурые вояки, будто пойдут сейчас строем войной на гору-великана, в которой им не победить… Очень сомневаюсь, что у Бонни такие же ассоциации.

Закат окрашивал их в красный цвет.

– Ты чувствуешь эту мощь? – спросила Бонни, вся, от кончика мышиного носика до мысков казенных туфель, вытянувшись в струнку.

Клюв Каркары тоже был обращен в сторону… кажется, такие группы камней называют кромлехами… кромлеха. Как стрелка компаса всегда обращена к железу.

Но я не ощущала мощи. Мне было слегка не по себе, когда я на них смотрела, и все.

– Нет, – честно призналась я, – вовсе нет.

– Знаешь, – Бонни немного помедлила, прежде чем говорить, – я вот знаю, что дает мне силу. Лес, земля – не прирученная, дикая, такие вот вещи… Но что дает силу тебе? Почему ты здесь?

– Я не знаю, – ответила я, не задумываясь.

Солгала, конечно. Но чуть-чуть. Пожалуй, такое называют лукавством. У меня были догадки.

Возможно, ярость или растерянность. Возможно, я слишком зациклена на себе, чтобы брать силу откуда-то еще.

Мне достаточно нескольких дней на новом месте, чтобы ясно понять: ведьма из меня получится аховая, слабенькая. Я не чувствую всего того, что так легко улавливает Бонни, я даже плиту разогреть не могу, хотя Бонни говорит, что достаточно всего лишь чуточку сконцентрироваться. Единственное, что доказывает: да, я что-то умею – это замертво упавшая в родительском доме кухарка.

Плохая была идея. Возможно, чтобы обрести могущество, мне придется научиться ненавидеть так, чтобы рядом со мной кровавые камни казались слепыми кутятами, как бы бессмысленно это ни звучало. Но разве может обычная девчонка стать могущественнее природы? А иначе мне никогда не превзойти таких, как Бонни.

Я никогда не была чувствительна, но именно в чувствах я однажды смогла почерпнуть хоть немного силы.

Разве смогу я когда-нибудь так ненавидеть… или так любить, чтобы хотя бы и для разогрева плиты мне нужно было «всего лишь чуточку сконцентрироваться»?

Вряд ли.

Я не умею толком ни того, ни другого. И концентрироваться тоже.

Тетенька не очень долго думала, отдавать ли меня сюда. Я – ее билет в преподавание. Она, наверное, соскучилась по правильным девочкам, что впитывают шенский, как губки.

Папенька и не думал, что можно отказаться меня отдавать. Папенька не любит вещи, которые не может контролировать – я унаследовала от него эту черту. И потому я так и не научилась чувствовать безоглядно. Необдуманные чувства открывают противнику мягкое брюхо. У меня не было настоящих противников, и я тренировалась на тетеньке, ожидая, когда же смогу их наконец завести. Пока и у меня появится такое право.

Я любила Элия, потому что хотела зажить собственной семьей, и это был самый простой способ, а не потому, что влюбилась. В нем я видела прекрасного кавалера, как следствие – хорошего мужа, а большего мне было и не надо, и я любила свою будущность с ним куда больше, чем его самого.

Я поднаторела в самообмане, но магия требует настоящих чувств, вот как мне кажется. Когда тетенька отказала Элию, я оплакивала не порушенную любовь; я оплакивала свой план и папенькино предательство. И только потому получилось искренне.

– Ой, да перестань, – протянула Бонни, помахав ладонью перед моим лицом, – у тебя аж глаза остекленели. О чем ты там думаешь? Хватит, хватит. Скоро наша очередь.

– А Щиц?

– А что Щиц? – с деланой веселостью хмыкнула Бонни – Если откажется от такого шанса, то сам виноват. Ты предлагала. Возьмем Царапинку… или мартышку.

– Стоит только чуть-чуть опоздать, и тебя уже готовы променять на мартышку, – хмыкнули за нашими спинами, – Вот так всегда.

– Ты должен знать, – обернулась я, – что я никогда, никогда бы не выбрала вместо тебя какую-то мартышку.

– Лестно слышать, – расплылся в улыбке Щиц.

– Черепашка меньше ест и меньше воняет. Ты только что отобрал у Царапинки шанс… – Я пожала плечами.

– Жестокие, жестокие женщины. А я ведь хотел принести новости с вольной волюшки одной девушке в слишком ладно скроенном платье, – Щиц глянул исподлобья, – но потом. А то скоро наша очередь… А я – Бонни абсолютно права – не готов упускать такого шанса.

Я обратила внимание на застрявшее в его волосах перышко – белое, пуховое, как из подушки, если бы подушки набивали перьями, испачканными в запекшейся крови. Его и так зачастую не слишком опрятная одежда выглядела даже слишком потрепанной. По предплечью змеилась свежая царапина. Глубокая – не с котенком заигрался. Он старался дышать ровно, но все равно получалось слишком быстро. Запыхался.

Но я ничего не сказала, промолчала и Бонни. Просто отметила про себя, что действительно – не готов. И я никогда не узнаю, на что он ради этого пошел и что преодолел. Разве что пойму, что это за место такое – с бесконечным закатом, кровавыми камнями и летним разнотравьем.

Кажется, на территории академии достаточно таких мест. Многое понять придется.

Бонни пошла первой. Щиц сказал, что здесь ему можно немножко колдовать, и не факт, что после ритуала у него останутся силы. И мы решили, что пусть он лучше немножко поддержит свою иллюзию, чем совсем нет.

Тетка быстро прочитала что-то вроде молитвы, опрыскала водой Бонни и Каркару, походила кругами, но все это время косилась на нас с Щицем, так что не заметила, как «мигнула» в какой-то момент иллюзия, обнажая вороньи кости, скрепленные вместе зеленоватым свечением.

Получилось! Бонни связали с ее обожаемой дохлой вороной, и она была счастлива. Удаляясь по тропинке, вытоптанной не иначе как предыдущими участниками ритуала, она показала нам большой палец.

Щиц взял меня за руку и увлек в очерченный красной… глиной? Или песком… Круг в траве. Я представила себе карикатурную ведьму с забавных картинок, в остроконечной шляпе и с длинным бородавчатым носом, которая ходила по кругу, размахивая мешочком с дыркой, и размечала границы. Хотя, скорее всего, это была тайе Гарьянски, а она не такая уж карикатурная. Но такие фантазии успокаивали: никто не готовится к темному ритуалу с мешочком с красным песком наперевес. Или… готовится?

Трава за мной сразу распрямлялась, будто я туда и не ступала никогда.

Пальцы у Щица были сухие, мозолистые, жесткие. Я на него не смотрела, озиралась по сторонам: раньше меня брали за руку только во время танца, ну, или папа с тетенькой. И я почему-то смутилась, как дебютантка.

Признаюсь, нечасто меня даже в танце так уверенно вели.

– Ну давайте, тайе Гарьянски, удивите меня, – сказал Щиц насмешливо, и еще несколько минут эти двое сверлили друг друга презрительными взглядами.

Я кашлянула, прерывая их милую мысленную беседу.

– Простите! Мне сказали, что тут переписывают метку академии на мою метку. Надо мной подшутили и отправили на чемпионат по гляделкам, и нужно было подойти к закату в какое-то другое место?

Теперь тайе Гарьянски посмотрела на меня и недоверчиво покачала головой.

– Я же предлагала тебе самых лучших животных, девочка.

Удав на ее шее угрожающе зашипел.

– Я выбрала, – твердо сказала я, шестым чувством понимая, что мне нельзя отвести взгляда.

Только сейчас я заметила, что глаза у этой ведьмы змеиные, без век. Но это меня не пугало. До того я хорошенько разглядела ее стоптанные туфли, ее латаное-перелатаное платье монашеского кроя, все в подозрительных беловатых пятнах,

не удивлюсь, если от птичьего помета. Ее собранные в небрежный пучок седые волосы, которые, видимо, никогда в жизни не лежали даже в слабом подобии красивой прически. За ее шелушащимися красными руками, оплетенными венами, никто никогда не ухаживал.

Эта ведьма определенно жила на зарплату, причем зарплату нищенскую, и пугала меня по долгу службы. Без души, без огонька. Разве такое вообще может быть страшно? Скорее… жалко.

Я скривилась.

– Ты не сможешь его удержать, – раздраженно добавила тайе Гарьянски, – он уйдет от тебя, как только сможет. Возможно, убив. Или разбив сердце. Или… лучше бы ты выбрала черепашку.

Удав чуть подвинулся, открывая сидящую на ее плече грустную Царапинку. Мне стало ее жалко, правда, жалко… Но Щиц вцепился в мои пальцы мертвой хваткой, и его мне было жальче.

К тому же…

Я никогда не принимала решений из жалости. Это унизительно.

Выгода честнее.

– Я выбрала, – повторила я, ничем не выдавая мимолетных колебаний.

– Ты совершаешь ошибку, когда пытаешься освободить преступника. Он съел пряничный домик, – тоже мне, преступление, я едва сдержала неуместную сейчас улыбку, – и сотворил еще много зла. Ты выбрала черного колдуна, обманщика по сути своей: как думаешь, как долго он будет благодарно стирать твои платья?

Мне это надоело.

– Я выбрала, – твердо сказала я.

Тайе Гарьянски вздохнула – долго, бесконечно устало.

– Здесь я бессильна, – сказала она куда-то в воздух.

Дальше была «молитва», и хождение по кругу, и вода… но все это было неважно. Как будто главный ритуал я прошла куда раньше.

Когда мы возвращались, сначала все было нормально, но стоило нам выйти из заката в прозрачный весенний вечер, и усталость навалилась на меня могильной плитой. Кое-как, с помощью вроде бы бодренького Щица я добралась до парковой скамейки: какая же я внимательная, в прошлый раз я и не заметила, как местная паркочащоба сменилась холмами без единого намека на деревья. А тут – раз, и все. Как щелкнуло, и один пейзаж сменился другим.

Наверное, так вышло из-за освещения.

– Ты мне что-то хотел с воли передать, – напомнила я, утомленно отдуваясь.

– Было такое, – уклончиво начал Щиц, – я скажу, но с одним условием: ты угадаешь все, что я недоговорю.

– А напрямик слабо? – возмутилась я.

Все эти загадки были мне не по нраву. Почему бы просто не выдать мне простую инструкцию, куда ходить, куда не ходить, что делать, что не делать? Я бы с удовольствием выполняла местные правила, если бы они были. Да и жульничать куда проще, если хотя бы знаешь, в какую игру с тобой играют. Все-таки нащупанный для Щица выход был счастливой случайностью, не более. Я просто угадала, что это сработает.

Но чуйка подводит часто. Куда чаще, чем холодный расчет. А я не хотела крупно проколоться.

– Не в академии, хозяйка. Здесь балом правит магия и чудеса, а они работают по своим законам. Ты знаешь хоть одну сказку, где царевне просто суют под нос нашатырь, и она просыпается? Сначала заклятье, потом феи, потом

шестнадцатилетие…

– Я читала, – отмахнулась я, – веретено, сон, наколдованный злой ведьмой густой-густой лес… Поцелуй истинной любви… История основания нашего королевства. Ее все знают. Очень романтическая.

Мои подружки ее обожали. Мы ставили спектакли про Спящую Красавицу и Смелого Принца, который для нас был еще и Прекрасным. Можно простить девушкам их фантазию, потому что как не приукрасить чуть-чуть жестокую реальность? На всех портретах основатель королевства был нарисован грузным, краснолицым, хмурым человеком с глубоко запавшим взглядом и острым подбородком – и никак не подходил на роль главного героя спектакля про любовь с первого взгляда.

Накануне Дня Пробуждения мы собирались все вместе – купеческие дочери, аристократки из прилично обнищавших родов – и вышивали покрывала древним узором, символизирующим лучи солнца, пробивающиеся сквозь колючки. То же самое делали в тот вечер и крестьянки, и даже принцессы, и не было ничего душевнее этих девичьих посиделок.

Я не любила саму сказку – просто никак не могла поверить, что там все было так гладко, – но мне нравились связанные с ней маленькие ритуалы, поэтому я с удовольствием поддерживала подружек в увлечении этой историей.

Пусть и проскальзывала иногда тихонечко мышка-мысль: проснись я через сто лет в ином мире, живущем по иным законам, от поцелуя какого-то подозрительного типа, даже будь рядом со мной папенька и тетенька, вряд ли я бы сыграла свадьбу. Скорее завизжала бы и огрела принца тем, что первое под руку подвернется, спровоцировав дипломатический конфликт.

Поэтому я и не принцесса…

– А потом их сын вырос в великого полководца и из микроскопического кусочка земли, подаренного папашкой принца новобрачным, сделал большой-пребольшой кусище… Даже не знаю, может, и к счастью, что спящую красавицу поцеловал младший принц. Все равно его сын дядю первым завоевал, – добавила я.

– Еще бы ее целовал старший. Старшим не до приключений, они учатся королевством править, да и брак у них всегда династический, – по-доброму улыбнулся Щиц, – это младших вечно толкает на подвиги уязвленная гордость и безземелье. И им потакают – пусть играется, лишь бы интриги не начали строить и дворцовые перевороты устраивать.

– Ты что, младший? – не могла не спросить я.

Он так это сказал, как будто это было ему близко.

– Я единственный ребенок, – неловко передернул плечами Щиц, – но у меня есть трое племянников. Младший такой дурак… Но кровь не водица, что поделать, – он немного помолчал и перевел тему: – Так вот. Я же совсем не о том, ну. Я сегодня ночевал в бараке, и угадай, кто к нам заселился?

– А ты можешь продолжать ночевать в бараке? – спросила я.

Раз уж он сам об этом заговорил. Куй железо, пока горячо, поговорка такая, как я на собственном опыте убедилась – очень полезная, замечательное руководство к действию. Наверное, он себе там и место облюбовал, и обустроился, явно же не первый день на академию пашет. Зачем тащить человека в комнату, где живут две девушки, если у него где-то там обустроенная лежанка и теплая мужская компания?

Кажется, этим вопросом я сбила Щица с толку… или хотя бы с мысли. Он немного подумал.

– Ну, могу.

– Я просто боюсь, что фамильярам выделяют максимум хлев, а у нас ты не поместишься, и…

– Я понял, – кивнул Щиц, – вполне логичная мысль. Я думаю. Да, могу. Вряд ли они запретят мне там оставаться – слишком мелочно.

Да уж, довод-то так себе. Если судить по тем же сказкам, ведьмы существа очень мелочные и могут устроить большую гадость только из-за того, что их не

пригласили на день рождения младенца незнакомые люди. Но я промолчала. Я уверена, что Щиц не будет молоть попусту. Сказал, что все нормально, значит, все нормально.

– Вот и хорошо. Так кто к вам пришел? Как вообще к вам на работу поступают? Ну, если не ты, конечно.

– Приходят, спрашивают, нужны ли работники того или иного профиля, проходят собеседование… подписывают контракт… И работают. Предоставляется еда и общежитие, паршивость комнат варьирует в зависимости от квалификации. Я живу в «передержке», барак для наемных рабочих на пятьдесят коек, – он покачал головой, – не беспокойся, там вечно пустует больше половины мест, так что я давно отгородил себе комнату на правах старожила. А что стены фанерные… так здесь везде такие. Ведьмы да колдуны – нищий народ, скажу я тебе по секрету. Светлые волшебники с подружайками заграбастали себе весь бизнес. Стоит нашим высунуться, и эти гады демпингуют по-черному, – он скривился.

– Я думала, есть такие услуги, которые могут предоставить только адепты черной магии? – удивилась я.

– И стараниями светлых они либо запрещены, либо строго регламентированы. Раньше хоть в зелья не совались, так не-е-ет! Самое доходное что?

Я задумалась.

– Лекарства? И, пожалуй, косметика.

– Подумай головой, кто будет покупать лекарства и косметику у темных? – Щиц покрутил пальцем у виска. – Бытовые яды… привороты, те, что покрепче, на крови… тараканов там травить, мужей, противозачаточное да абортивные средства… Ну так за яды приходится отчитываться этой их комиссии… якобы это мы виноваты, что любовницы жен травят. А по мне, так они, если не отравили бы, так топором зарубили, мы-то тут при чем? Противозачаточные да абортивные вообще приходится из-под полы продавать, как наркоту толкаем, право слово. – Он воздел вверх палец, – Жизнь священна! Даже если несет смерть матери, видимо… Ну и привороты запрещены, воздействие на волю. Здесь я согласен. Вот и выходит, что основной доход приносят специалисты по

бытовым проклятьям, причем легально их можно только снимать. А накладываются они как-то сами, случайно, тут одна дамочка даже диссер на эту тему защитила, теперь директриса этой бумажкой от всех проверок отмахивается.

А на самом деле, тут не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, снимают зачастую точно те же люди, что и накладывают. Возможно, есть у них даже специальный узелок, чтобы легко свое заклятье распустить – знают, что пострадавшие к ним обратятся.

Хочешь жить, умей вертеться. А ведьмы по определению жестоки.

Я бы разве что поспорила на тему жизни, но слишком хорошо воспитана, чтобы поднимать заведомо острые темы. Меня давно научили пропускать их мимо ушей и не ввязываться в такого рода дискуссии. Это не значило, что я согласна с точкой зрения Щица; просто знала, что скамейка в парке не самое лучшее средство для переубеждения упрямцев.

Щиц хлопнул себя по лбу.

– Забыл совсем! Так вот, угадай, кто нанялся в разнорабочие?

Я задумалась. Кто бы это мог быть? Кто вообще может оказаться в рассаднике ведьм, настолько интересненький, что Щиц хочет со мной поделиться?

– Черт рогатый? – предположила я.

Щиц как-то очень уж противно хихикнул, закрыв глаза ладонью.

– Блондин, – сказал он минуты через полторы, – копыт нет, насчет рогов, уж извини, тебе лучше знать.

Я аж подскочила от возмущения, мигом уловив похабный намек… и только потом до меня дошло.

– Эл… – Я осеклась, вспомнив, что тут не стоит разбрасываться именами.

– Элий, да, – недобро усмехнулся Щиц: в сумерках его глаза отсвечивали белесым светом, – он тоже не знаком с техникой безопасности.

– Откуда ты…

– Бонни поделилась, что у тебя жених был. Очень грустная история в ее изложении, послушай как-нибудь. Настоящий эпос. Я б забыл сплетню, но больно он открыто про тебя расспрашивал, прям одно к одному. Рыжая, полненькая, голос громкий… тут таких пол-академии, но он добавил про то, что богатенькая, и я сразу сопоставил. Я молодец, хозяйка?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/alekseenko_kseniya/ya-vam-ne-ved-ma

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити